

Б. Б. МУХА

Одесский национальный университет

О СЕБЕ И О ВРЕМЕНИ*

Описывается жизненный путь и воспоминания бывшего заведующего палеонтологическим музеем Б. Б. Мухи. Рассказывается о студенческой жизни в стенах Одесского университета, службе в Советской Армии, работе в комсомольских и государственных органах Советской Украины, научной деятельности. Приводится описание жизни и быта советских людей во второй половине 20 столетия.

Ключевые слова: Одесский университет, палеонтологический музей

Заняться составлением жизнеописания мне предложил сотрудник Зоологического музея Одесского национального университета (ОНУ) Ю. В. Суворов. Поводом послужила беседа с Юрием Васильевичем (мы знакомы около 40 лет) после того, как я передал ему некоторые документы, имеющие отношение к истории музееведения в университете. Оказалось, что у нас одинаковое видение событий, свидетелями которых мы были за годы работы в университете, и одинаковое отношение к тем коллегам, с которыми мы уже никогда не встретимся. Но самое печальное, что они ушли из жизни и уже нет возможности собрать сведения об их вкладе в развитие науки вообще или в какое-то научное направление, по сути, пропали документы и фотоматериалы, с которыми они работали.

© Б. Б. Муха, 2011 г.

Изложенное ниже правильное было бы назвать «исповедью» перед собой, т.к. нет уверенности, что для кого-то изложенная информация будет представлять интерес. Но Юрий Васильевич определил эту работу так: «Пусть будет!».

Уходят в историю наши сверстники, рождённые до войны, во время и после войны, вместе с нашими ценностями, убеждениями, логикой поступков, короче – те, кто закончил нашу, советскую школу и получил знания, пусть в чём-то ущербные с позиций оценки современной научной школы. Однако у нас не было сомнения в том, что то, что мы делали, было не нужно или было ошибочным. Это был путь познания с другими ценностями.

Один пример. 1985 год. «Большеземельская тундра», бассейн реки Печоры, долина левого её притока, реки Большая Сыня. Для меня закончился полевой сезон, цель которого была проверить методологию отбора проб россыпных месторождений рудных минералов, а задача – найти структуры и геоморфологические особенности горных образований, которые в устьевой части реки (при отмывке речного песка) дали обнаружение «знаков» золота и алмазов.

В этом месте долина реки подходит к полотну железной дороги, далее следовало возвращаться «в цивилизацию»: через три дня, по заранее купленному билету самолётом нужно было лететь до Москвы, потом – в Одессу, а оттуда – в Ташкент. (В обрамлении Ферганской долины геологи Одесского государственного университета (ОГУ) хозспособом проводили работы на угольных месторождениях Средней Азии).

Надувной лодкой меня с начальником отряда переправили к полотну железной дороги в Усинск. Пешком, с рюкзаком направились на север, где, согласно карте, должен находиться разъезд. По слухам, вечером в Усинск обычно возвращался тепловоз, который доставлял вагоны на станцию Печора. Если его не будет, утром должен идти пассажирский поезд. Дошли до разъезда: строения есть, а людей нет. Часа через два ожидания из-за поворота появился свет прожектора. Когда стало очевидно, что тепловоз не останавливается, – закричали и побежали ему вслед. Тепловоз остановился и стал сдавать к нам навстречу. Нас впустили в кабину, познакомились. Узнав: кто мы и зачем в пути, машинист по рации договорился с кем-то и на следующей станции передали чайник с кипятком. Машинист, земляк из Винницы, приготовил чай, угостил нас, рассказал о том, как он попал в Усинск, что средний возраст жителей города – 26 лет, что прошедшая зима была очень суровой и вышла из строя котельная: жильцы вынуждены были устанавливать в квартирах печки-«буржуйки». Но самое удивительное было то, что он по рации связался с диспетчером автохозяйства и когда мы прибыли на станцию, нас ожидал «БелАЗ». Такими машинами там возили песок на какой-то объект. Водитель «БелАЗа» довез нас до окраины городка «Парма», где находилась геологическая экспедиция, извинился, что не может довезти нас до места, попрощался и высадил из машины.

Теперь возникает вопрос: «А возможно ли сейчас такое – без оплаты и заинтересованности, типа: ты – мне, я – тебе, по отношению к людям, с которыми, это очевидно, больше судьба не сведёт!? Главное, что я был участником этого. На мой взгляд, этот эпизод свидетельствует о внутреннем мире людей, с которыми меня свела судьба. При этом, я не считаю, что был баловнем Судьбы. Просто, мне посчастливилось встретиться с такими людьми. И из этого не следует, что все, с кем я встречался, были высоко духовными людьми.

И ещё одно замечание. Мудрецы считают, что случайностей не бывает. Случайность – не понятая закономерность. Таким образом, следовало задуматься, почему обстоятельства сложились, таким образом, почему какие-то события произошли со мной или в моём присутствии? В конце концов, чему меня должны были научить эти обстоятельства и в какой степени я сделал правильные выводы для себя в своих мыслях (оценке происшедшего) или в поступках и вообще, и в частности, по отношению к тем испытаниям, которые выпали мне? И ещё. Когда, в принципе, большая часть жизни прожита, какой жизненный опыт я приобрёл и в какой степени это соответствует тем задачам, ради которых я воплотился в этом Мире?

Детские годы

Произошло это 12 мая 1941 года в городе Вознесенске Николаевской области: на свет появился я. Мама – учитель русского языка и литературы, папа – кадровый военный, посвятивший всю жизнь служению в военной авиации. Эти детали оказались важными в последующей жизни семьи. В годы Великой Отечественной войны мама, бабушка и я оказались на оккупированной территории. Нашлись «доброжелатели», которые в полицию донесли, что мама – жена красного командира. Я этого не помню, но по рассказам близких было принято решение: бежать в Бугские хутора (ныне Прибужаны). Там мама устроилась работать в местной школе. Сердобольные селяне приносили картофель, кукурузную муку и другие продукты, что позволило выжить моим близким и мне.

В последующем, после войны, мама пострадала за годы оккупации второй раз, на этот раз – от своих. В анкете следовало отметить: «Находились ли в годы войны на оккупированной территории?». Это положение было определяющим, поскольку местные чиновники считали, что с «таким пятном» в биографии учительствовать в школе было нельзя. Как-то этот вопрос был решен, но помню, что маме долгое время приходилось писать какие-то пояснения. Кончилось это тем, что мама полностью перешла на иждивение отца. А в тех многочисленных гарнизонах, куда перемещали по службе отца, не всегда были школы, в которых могли быть востребованы профессиональные знания мамы.

Папа войну закончил в Праге. В последующем служил в составе оккупационных войск в Венгрии, р-н городка Веспрем. Можно сказать, что об этом промежутке детской памяти события уложились в несколько эпизодов. Гарнизон находился в окружении леса, в котором после подписания акта капитуляции продолжали действия «хортисты». Однажды с мамой пошли выменять в селе какие-то продукты на солдатскую одежду, одеяла и что-то ещё. Когда возвращались обратно (тогда я увидел впервые асфальтированную дорогу), из леса открыли стрельбу недобитые «партизаны» венгерской армии. Мы спрятались в кювет, а с аэродрома наши солдаты открыли отсекающий огонь. К нам на помощь бросились несколько солдат, ползком. Короче – мы были спасены. Больше в село мы не ходили.

В памяти остались подземные ходы, через которые скрытно можно было подобраться к окраинам аэродрома, на котором стояли немецкие истребители, готовые взлететь, но не использовавшие эту возможность. Выходы из этих ходов были закрыты люками, хорошо замаскированными в лесу. Стоял на дороге подбитый танк, в который мы лазили, естественно, как все пацаны. Осталось в памяти и обсуждение между молодыми офицерами прецедента, когда один из них на каком-то немецком боевом самолете летал в Будапешт за шампанским. И у меня были свои «интересы» к немецким самолетам: вместе с такими, как я и чуть старше мы ходили «добывать» подшипники с самолетов. (Не могу вспомнить: зачем мне пяти лет от роду были нужны подшипники?).

Однажды для семей офицеров организовали поездку на озеро Балатон. Купались. В той части, где были мы, берега были «одеты» в бетонные плиты, и спускались в воду не по глинистому дну, а по плитам. В последующем, наверное, пару раз подобное изобретение цивилизации видел на водоемах в Средней Азии, но это уже в 1980-е годы.

Перед возвращением в Союз родители приняли решение приобрести папе приличные хромовые сапоги. Для этого нужно было ехать в Вену, на оккупированную союзниками территорию, где находилась «барахолка». Взяли и меня, т.к не с кем было оставить. В той части города, в которой мы были в Вене, следов разрушений от боев и бомбёжек не было. Красивые трёхэтажные дома, фонтаны, кстати – действующие, трёхколёсные автомобили. Родители хотели мне купить тирольский костюмчик: шорты, курточка, рубаха с орнаментом, шляпа... Я не захотел.

В последующем ездили по разным гарнизонам, в основном, на окраинах цивилизации, куда переводили на службу отца: г. Чирчик, близ Ташкента, г. Карши, между Ташкентом и бывшим

Сталинобадом, мыс Сангачал к югу от Баку. Отсюда в 1953 г. весь полк, в котором служил отец, отправили в Корею, где в те годы была война, по сути, между американской военной доктриной и советской. Официально отец тогда был «китайским» добровольцем. В очередной раз пришлось менять школу, на этот раз в моём родном Вознесенске. Здесь я закончил 6 класс и начал учёбу в 7-м.

К этому времени обстоятельства сложились таким образом, что я имел возможность (с современных позиций восприятия событий) получить и новую информацию, и новые знания. К примеру, размеры страны, которая была большой Родиной, почувствовать, что называется, «собственной шкурой». Летом, как правило, мы семьёй отправлялись в отпуск, на малую Родину в Вознесенск. Из Ташкента до Москвы тогда поезд шёл семь суток, из них пять суток – до Волги. Не передать словами те зной и духоту, которые стояли в вагонах. (Не знаю, были ли в те годы купейные вагоны в принципе?). С какой завистью пассажиры провожали глазами летящий самолет (в те годы это был Ли-2 или американский «Дуглас»). Однажды поезд остановился не на станции, а среди пустыни. Стояли долго. Потом увидел цепочку из мужчин от паровоза к зарослям саксаула: кончились дрова или уголь. Короче – нужно было топливо. Как добывали саксаул, у которого древесина такая плотная, что её топором долго нужно рубить, чтобы можно было сломать? – для меня до сих пор загадка.

На обратном пути в Ташкент, приближение к Аральску (и одноименному морю), можно было «вынюхать» в полном смысле этого слова задолго до остановки по незабываемому запаху копченой рыбы, которой было великое множество, и на любой вкус. Кроме того, она была дешёвой, доступной для человека с любым доходом.

С железной дорогой связана еще одна страница. Из гарнизона на ст. Карши авиационный полк в «теплушках» (так называли двусные грузовые вагоны, в которых по обе стороны от раздвигающейся двери сколачивали из досок нары; в каждой половине вагона размещалась семья) отправили через Мары в Красноводск, на восточный берег Каспийского моря. Там мы должны были погрузиться на пароход «Багиров» и следовать в Баку. Проехали через станцию Ашхабад. Это было примерно через год после разрушительного «Ашхабадского землетрясения».

Запомнился только деревянный вокзал Ашхабада, который сохранился без видимых повреждений. Позже из публикаций узнал, что это было единственное сохранившееся здание в городе.

Передвигаясь по бесконечной железной дороге с очень редкими станциями, с такими же редкими тополями среди глинобитных домиков, верблюдами и осликами близ жилья и традиционным базаром с арбузами и дынями среди редких продавцов лепешек, помню, осталось опасение: ни в коем случае не отстать от поезда. Невозможно было даже представить, в какую сторону двигаться и чего ожидать? В каких условиях её строили ещё в царские времена, и какими жертвами было заплачено её строительство – это уже соображения более позднего времени.

Пребывание в Средней Азии запомнилось тем, что я узнал, как выглядят шакалы, фаланги и скорпионы. Фаланг отлавливали солдаты и сажали в стеклянные банки, чтобы понаблюдать, чем закончится такое соседство.

Плавание через Каспий было первым моим знакомством с морем, к тому же озаглавленное штормом. О шторме предупредили пассажиров заранее, но дети шторм перенесли легче, чем некоторые взрослые.

На станции «Сангачалы» однажды увидел крушение поездов, в море впервые наблюдал извержение грязевого вулкана с самовозгоранием газов, а в школе, по «Географии Азербайджанской ССР» узнал о тюленях, которые в те годы водились в море. Уже в Вознесенске учитель географии попросил принести учебник с тюленями и... не вернул.

Следующий этап знакомства со страной продолжился в Архангельской области. Сперва это был гарнизон Васьково, между Архангельском и Молотовском (ныне Северодвинск). В те годы начали строить космический центр «Плесецк».

Жили в Васьково мы в финском деревянном двухэтажном домике на 4 семьи. Я был старшим из сыновей, родители мне разрешали уходить в лес, который окружал посёлок со всех сторон. Собирал грибы и ягоды, ходил на рыбалку, научился неплохо ориентироваться в лесу. Зимой сам или со сверстниками уходил на лыжах в те части леса, куда летом нельзя было проникнуть из-за болот.

Школа в гарнизоне была «семилеткой», завершать образование в 8-м и старших классах пришлось на ст. Исакогорка, за 12 км от гарнизона Васьково. Добирались туда на специальной машине. Если морозы были выше 25 градусов, нас в школу не возили. Из-за того, что в старшие классы из Васьково нас ездило человек 20, занятия были во вторую смену.

Девятый и десятый класс я заканчивал в Архангельске. Там же занялся спортивной стрельбой из винтовки, туризмом, а летом, будучи уже в выпускном классе, стал ходить в велосекцию. Итогом занятий велосипедом были соревнования на первенство школьников в Новгороде.

Стал задумываться о том, кем я хочу стать после завершения школы. Хотелось, почему-то стать геологом. В большой степени на мои увлечения сказались моё общение и привязанность к учителю географии – Бострему Глебу Глебовичу. Давая современные оценки, он был диссидентом по убеждениям, а по знаниям – «ходячей энциклопедией». Для меня этот человек был образцом для подражания. Кроме того, это был оригинальный и смелый экспериментатор. Это в нашей 6 школе имени Горького была туристская секция имени О. Ю. Шмидта (заслуга Бострема). Школьники принимали участие во Всесоюзных слётах по туризму, в походах по историческим местам Севера, в том числе – по местам создания Петром Первым флота на землях, которые Петр пожаловал братьям Бажениным, в Холмогоры, на родину М. В. Ломоносова, по следам экспедиции Пахтусова и др.

Родители не захотели меня отпускать на учебу в другой город, а в Архангельске ближе всего к геологии по профилю был естественно-географический факультет Архангельского пединститута. Туда я и подал документы, после тщательной и глубокой подготовки с участием Глеба Глебовича. (Кстати, будучи студентом первого курса, в своей школе я проводил занятия с десятиклассниками по астрономии по настоянию и рекомендации Г. Г. Бострема, а он в это время с туристами школы ездил в Киев на слёт). Знаний хватило, но остался в памяти один вопрос, который мне задал школьник: «Отличия синодического месяца от сидерического».

Подготовка будущих специалистов была поставлена в пединституте серьёзно. К примеру, по астрономии было организовано наблюдение за временем прохождения искусственного спутника Земли (в пединституте была организована самая северная станция наблюдения за спутниками). Короче, – после окончания пединститута в дипломе было записано право преподавания в средней школе географии, ботаники, зоологии, химии, анатомии и физиологии человека. (Кстати, изучение анатомии человека здорово помогло мне в дальнейшем при написании диссертации, т.к. я достаточно прилично знал остеологию, что пригодилось при описании скелета мастодонта).

Учебные практики были с элементами исследований: собирали гербарии с обязательными реликтовыми и эндемичными растениями, замеряли прозрачность воды в озёрах, промеряли слой воды и строили графики характера дна, затем пытались установить происхождение озера: термокарстового или старичного происхождения. Зоологию позвоночных у нас вела Майя Фёдоровна (фамилию забыл) – выпускница МГУ. Вспоминается, как на восходе солнца (это при белых ночах, когда в 23 часа можно было читать без подсветки) мы с биноклями шли в лес слушать, как поют разные птицы, а с помощью бинокля запомнить цвет оперения и размеры птичек. Обнаружив два гнезда с птенцами, вели постоянные наблюдения за кормлением «молодёжи» (что принесла мама, что принёс папа).

Нёнокса, Солза, Пертоминск – названия населённых пунктов на берегу Белого моря, близ которых мы вели наши наблюдения. Там же забрасывали сети в надежде отловить кого-то из обитателей прибрежных вод, но кроме водорослей, так ничего и не поймали.

В задание практики входило изготовление чучел птиц и животных, а для этого нужно было вести отстрел, чем я и занимался. В результате навыков таксидермиста так и не получил. Тогда я не думал: хорошо это или плохо. По гидрологии у нас был свайный водомерный пост, где круглосуточно наблюдали над изменением уровня воды под влиянием Луны (т.е. приливы и отливы). Преподаватель по землеведению, Георгий Иванович рассказал нам (и мы пытались обнаружить наблюдениями подтверждение сказанному), что только на Миссисипи и Северной Двине наблюдается такое явление, как «маниха». При построении графика изменения уровня воды в реке наблюдается плавный подъём уровня до максимального значения, а вот спад не похож на подъём уровня, поскольку через какое-то время падения уровня в графике появляется пауза одинаковых значений во времени, а затем спад уровня воды продолжается.

Один из видов летних практик – работа в туристском лагере, в приустьевой части правого притока Сев. Двины – Пинеги. С ребятами моего отряда занимались сбором образцов ископаемой фауны, в основном, кораллов, головоногих моллюсков, морских лилий и превосходных жёод аметистов. Иногда попадались растения-реликты, которые отбирали для краеведческого музея Архангельска, а в последующем создавали из них биогруппы во дворе музея. Рядом с палаточным лагерем находилось озеро Вавчуга, где, по данным краеведов, была Петром Первым заложена судостроительная верфь. Во время одного из походов, рабочие показали наковальню, на которой, по преданию, император ковал якорь для первого парусника. Там же, на берегу озера были три кедра, которые, как утверждали аборигены, посадил Петр, а по центру озера был остров – «Сахарная головка», где, якобы, любил отдыхать Петр Великий.

В туристском лагере было около 70 человек школьников старших классов, 5 студентов пединститута в качестве руководителей отрядов и 2 начальника от областной туристской станции. Вот когдагодились самостоятельные маршруты в лес. На второй год работы в лагере, во время маршрута вверх по реке Пинеге, остановились лагерем на противоположном берегу, у Липовецкой базы. Вечером к нам приплыли представители местной администрации с просьбой помочь в тушении низового пожара.

Посоветоваться было не с кем, ребята из отряда – школьники, перешедшие в 10 класс. Я согласился. Утром нас доставили автомашиной к базе, переправили на другой берег, выделили лесничего и проводника. Объяснили, что следовало стать цепочкой, чтобы было видно соседней слева и справа. В качестве орудия тушения огня каждому выдали «вешки» – молодые ёлки, у которых нижние ветви были удалены. Макушкой ели и следовало сбивать пламя. Предупредили, что в случае попадания в кольцо огня следовало бежать навстречу огню: там уже все выгорело.

Сейчас я бы не стал рисковать здоровьем школьников, но тогда, по молодости согласился. К счастью, обошлось без последствий. Когда мы вернулись в базовый лагерь, возле столовой меня нашел мужчина, оказалось, из числа тех, кто тоже тушил пожар, рассказал, что чуть дальше от очага пожара на берегу озера нашли древнюю избушку из бревен, в середине, среди паутины, какие-то вещи обитателя, включая кремневое ружье, какие-то бумаги. Меня, естественно, это заинтересовало, и я планировал на будущий год туда попасть. Однако мы покинули Север и планам не суждено было воплотиться.

Университетская юность

В Одессу приехали 11 ноября (в Архангельске стала река, к вокзалу на поезд добирались паромом, в Москве была метель, в Одессе цвели калы). При переводе в университет возникли сложности. По положению высшей школы с курса на курс можно переводиться только в конце семестра. Отец ходил к ректору. Вопрос лагерных сборов на военной кафедре решили за счет сокращения времени одной из летних практик. Кстати, в том же учебном году военную кафедру в университете ликвидировали. Перевели меня с третьего курса на второй с ликвидацией акаде-

мической разницы. Остался в памяти практикум по физике. Я сдавал зачет в помещении, где ныне находится приёмная ректора. Декан Г. А. Мищенко в стипендии отказал, мотивируя тем, что я уже на втором курсе получал стипендию в пединституте. Пришлось подрабатывать, в основном, в роли грузчика. Позже появились знакомые, стал оформлять т.н. «наглядную агитацию» по предприятиям. В те годы это выполнялось к 7 ноября и 1 мая.

Потом появилась возможность подрабатывать за счёт интеллекта: на факультете существовала группа студентов старших курсов лекторов-международников, которую возглавлял доцент кафедры экономической географии Д. И. Богуненко – «папа Дима», как между собой называли его студенты. (Не принимающие участия в работе этой группы называли её «секта Богуненко»). Трудно оценить тот опыт, который я получил, общаясь с людьми разных сословий и разного уровня образования во время чтения лекций в городе и районах области.

В университете, кроме лекций, выпускали стенгазету к определённым датам. Каждый факультет выпускал свою газету. Комитет комсомола, обычно к Новому году объявлял конкурс стенгазет. Однажды наша газета «Земля и недра» даже заняла в ОГУ первое место. В качестве главной темы было взято полотно «Бурлаки на Волге». «Бурлаками» были ведущие преподаватели и активисты из числа студентов, а на барже – основные «проблемные» личности из студентов, которые в силу возможности живописных средств занимались каждый своим. В качестве приза победителям в общественной жизни университет организовал поездку в Москву в период зимних каникул.

В комитете комсомола ОГУ я отвечал за работу лекторской группы. Секретарем комитета комсомола в те годы был И. И. Кондратюк, ныне работающий на кафедре экономической географии.

Обстоятельства сложились таким образом, что меня рекомендовали на работу в идеологический отдел обкома комсомола, секретарем которого в те годы был Чернявский. Это было время, когда в стране менялся характер хозяйствования, и в качестве базовой модели управления было разделение на Промышленный и Сельский обкомы партии и, соответственно, обкомы комсомола. Опыта работы с комсомольскими организациями предприятий области – никакого, и поделиться опытом работы тоже не с кем было. Из «светлых» дел в городе запомнилась работа с творческой молодёжью.

В те годы, как центр такой работы в новом начинании идеологические руководители видели молодёжное кафе на Дерибасовской «Алые паруса». Идея создания принадлежала одесскому художнику Олегу Соколову. Он видел интерьер кафе таким. Пол должен был быть стеклянным, с подсветкой снизу и морскими обитателями «на дне», а на стене должна была стоять Ассоль в ожидании прибытия парусника с алыми парусами, т.е. максимально близко к видению автора «Алых парусов» писателя Александра Грина. (В то время разрешили публиковать произведения Александра Грина, которого ранее обвиняли в «космополитизме»). От идеи Грина и Соколова при реализации в жизнь ничего не осталось: Ассоль, вместо подразумевавшегося свадебного платья, ремесленники, оформлявшие интерьер кафе, «одежи» в джинсы, а бригантина оказалась какой-то «придавленной». Олег Соколов потом на вернисаже своих картин экспонировал полотно под названием «Идея, выпущенная на улицу».

Открытие кафе сопровождал маленький скандал. Журнал «Молодой коммунист» поместил статью, в которой в резких тонах были описаны идеологические «ошибки» организаторов праздника – на открытии пел песни французский исполнитель, к тому же – на французском языке. Вывод – следовало исправить эти перекосы. Сейчас запомнил, кому принадлежала идея собрать творческую молодёжь Одессы, составить сценарий будущего праздника. Пригласили молодых актёров и режиссёров театров Одессы, художников. Придумали, что каждый творческий коллектив будет сидеть за отдельным столиком. Художники должны были сделать эмблемы коллективам. Эмблема Оперного театра была такая: фасад театра и перед ним подразделение солдат. Надпись внизу: «Хіба ревуть воли, коли ясла повні».

В самом кафе определили самую популярную тему. Поэт Морис Бенимович победил в конкурсе: это тема про шпионов. Актеры должны были в течение трех минут показать своё видение темы, художники – графически реализовать тему в виде заставки, поэты – составить стихотворное четверостишие, композиторы (тогда в зале их возглавлял Красотов) – написать музыку на эту тему и показать интермедию (каждый коллектив по – своему). Запомнилась конечная мысль: «Шпионами становятся с тоски»!

В последующие годы длительно сохранялись приятельские отношения с художниками Костей Калиновским и Валерой Пушкиным, которые однажды даже приехали ко мне в село, когда я работал учителем.

Переход на работу в обком комсомола не решил проблемы завершения учёбы в университете и получения диплома. Вопрос восстановления в ОГУ решался на общем собрании университета. В мою защиту выступил второй секретарь обкома комсомола Г. Ревенко, который сумел убедить председательствующего, ректора ОГУ А. И. Юрженко. Меня восстановили, но нужно было сдать академическую задолженность, т.к. я не переводился на заочную форму обучения, написать дипломную работу.

Преддипломную практику я проходил в составе экспедиционного отряда Геологического института АН СССР. В этом плане мне повезло: 11 000 км по Европейской части СССР (от Костромской области на севере, через всю южную часть России, восток Украины, вся Молдавия от с. Криво до долины Дуная, затем от села Долинского через юг Украины, Крым, Таманский полуостров).

Северной частью маршрута по ледниковым отложениям регионов к северу от Москвы руководил А. И. Москвитин, на юге маршрута определял А. Л. Чепалыга – мой первый наставник по полевой геологии. Официально моя должность называлась: «коллектор экспедиционного отряда ГИН №175». Я увидел много геологических тел, породы разного возраста и происхождения, собирал по карьерам образцы фауны, а на севере – флоры. А. Л. Чепалыга в это время собирал для кандидатской диссертации раковины пресноводных моллюсков, которые в последующем были использованы в его монографии.

Это было в 1963 году. Старшее поколение помнит этот год по «тотальному дефициту». В Центральном гастрономе на углу улиц Дерибасовской и Советской Армии тогда мужики стояли за шкаликами водки, а женщины «сгребали» спички, мыло, соль, продукты питания. Наша группа экипировалась в Москве, оборудование и продукты получили централизованно со складов Академии Наук: муку, макаронные изделия, крупы, включая рис, который в те годы был дефицитным товаром, тушёнку, сгущенное молоко, подсолнечное масло, а в качестве «валюты» – вяленую воблу. Хлеб в маршрутах получали прямо с хлебозаводов, вне зависимости от местонахождения нашего отряда, поскольку было письмо от АН СССР с просьбой оказывать всяческое содействие. Это же письмо нам помогло на Кубани, когда на полевой дороге «рассыпался» подшипник на заднем колесе. В этот раз начальник и водитель ходили к руководству машинотракторной станции. Оказалось, что такой подшипник стоит на одном из типов комбайнов, но нам дали этот подшипник после того, как телеграммой пришло уверение в том, что База АН обязуется выслать посылкой аналог того, что передадут нам.

Лето было жаркое, воду в молочной фляге возили в кузове с собой. Горячую еду готовили в полевых условиях с использованием паяльной лампы (превосходно!). Для этого на глубину колбы (высоту паяльной лампы) рыли в земле углубление, и по направлению горелки – борозду из расчёта на два сосуда – для первого блюда и второго. Бензин брали из отстойника бензопровода автомобиля. (Правда, пришлось потом из поломанного автомобиля снять отстойник, т.к. из-за частого пользования данным устройством сорвали резьбу болта).

С фруктами и овощами у нас проблем не возникало. Одежда у нас была цвета хаки, как у американских военных, только не было пилоток. Сторожа принимали нас за солдат и ни разу не отказали в просьбе пополнить запасы сельскохозяйственных продуктов питания.

Однажды в каком-то городке в Молдавии я подобрал табличку с разрушенного здания: «дом № 27», прибили её на передней стороне кузова, сбоку от кабины. На трассе в движении эта бирка вызывала улыбку у встречных водителей.

На дипломную работу материала хватило, тем более, что по моллюскам территории исследования были многочисленные сборы в фондах палеонтологического музея. Таким образом «фаунистически» была охарактеризована вся территория нижнего течения Днестра, что являлось темой моей дипломной работы. Руководил дипломной работой сотрудник геофака ОГУ проф. И. Я. Яцко, рецензентом был проф. С. Т. Белозоров. Дипломную работу я закончил в срок, а с защитой возникли проблемы: декан факультета Г. А. Мищенко отказался меня допускать к защите. И. Я. Яцко предложил ехать в Киев, обращаться в Министерство высшего и среднего специального образования. Я выполнил рекомендацию, но в Министерстве никто не хотел заниматься рассмотрением моего письма. Правильнее – письмо приняли, но решений – никаких. Через два дня ожиданий я обратился в ЦК комсомола. Моим вопросом занимался Гриша Хрипун, который при мне позвонил в Министерство инспектору, напомнил суть дела, спросил: «Без участия ЦК можно положительно решить этот вопрос?». Ответ был положительным.

На следующий день состоялся разговор инспектора из Министерства с исполняющим обязанности ректора Г. И. Вязовским (ректор был в отпуске). Вопрос решился в мою пользу, но на руки никакой документ не дали: нужно было в ОГУ ждать курьерскую почту. Еще два дня ушло на ожидание прибытия распоряжения из Минвуза. С последней выемкой почты прибыли в канцелярию документы, на основании которых был напечатан приказ по ОГУ и до окончания рабочего дня подписан проректором Федосеевым.

На следующий день, последний день защиты дипломных работ 1964 г., заслушали мой доклад по дипломной работе. Получил свои «хорошо» и остался один на один со своим будущим.

Декан утверждал, что я устроился в обком, чтобы не ехать на работу в школу. Поскольку это не соответствовало истине, с помощью бывших коллег по работе в комсомоле, с заданием штаба «Комсомольского прожектора» поехал по южным районам области с проверкой готовности элеваторов к приёму зерна нового урожая и комплектности пожарного инвентаря на элеваторах на случай непредвиденных ситуаций. Попутно определился с районом будущей работы в школе – Болградским. Много слышал о болгарских селах, но о быте и особенностях этой этнической группы ничего не знал.

В районном отделе образования меня попытались привлечь к работе директором Дворца пионеров в Болграде. Вспомнил слова декана Мищенко, опять скажет: устроился, чтобы не работать учителем в школе. Отказался. Меня откомандировали в с. Александровку – гагаузское село вдали от райцентра. Позже рассказывали, что в виду отсутствия нормальных дорог за все годы войны в селе только дважды появлялись румынские конные разъезды. Других свидетельств войны не имелось.

Приняли меня в школе хорошо. Как рассказал завуч, до меня 7 лет не было в школе географа, и учебные часы по этому предмету распределяли между теми, у кого была малая учебная нагрузка. Коллектив, в своей основной массе, был молодой – выпускники Одесского, Измаильского, Тираспольского пединститутов. Из Одесского университета был я один. Там я познакомился со своей нынешней супругой; тогда она проходила практику от Горловского института иностранных языков. Меня к себе на поселение взял учитель труда, отвели отдельную комнату.

Первое время хозяйка готовила еду и на меня, потом мне в этом отказали. Возникла проблема – где и что поесть: вино – в каждом доме, а в так называемом буфете – консервы «треска в масле», конфеты «ледокол». Всё! Женская половина учительского коллектива имела кастрюльки и сковородки, в магазине можно было купить макаронные изделия, крупы, подсолнечное масло, иногда – яйца. В это время ввели своеобразный оброк – в магазине можно было приобрести что-то дельное из товаров и продуктов, если приносили куриные яйца. Учителя яйца не приносили, но иногда можно было воспользоваться исключением.

Армейская жизнь

Задержался я в селе не долго: в октябре началась призывная кампания на службу в армию. Призывался с Александровки, местные жители провожали меня как своего. В Одессе на призывном пункте определили в «команду 700» – стройбат, как потом выяснилось, учитывая опыт работы в комсомоле.

После принятия присяги в с. Жеребково, где находился штаб батальона, был назначен на должность помощника командира батальона по комсомолу. До сих пор благодарен начальнику штаба батальона, подполковнику Вишневу, который убедил меня отказаться от всех воинских званий в пользу одного – рядовой. Это в последующем меня много раз выручало от военных сборов на переподготовку.

Должностные обязанности, в основном, сводились к работе с учётными документами: написать в райком комсомола, откуда призывался солдат на службу в армию с просьбой направить в адрес воинской части учётную карточку члена ВЛКСМ, затем зарегистрировать в списках роты. Подобная работа выполнялась и по подразделениям, а подразделения наши, кроме Жеребково, дислоцировались в те годы в Котовске, Парканах, Тирасполе, Кишиневе, Флорештах, Гидропорту (Одесса), Дальнике.

Вместе со мной служили ребята 1939 г. рождения, у кого была отсрочка, 1940–1945 гг., (т. н. «эхо войны» – не родились те, кто мог быть ребенком погибшего на войне воина, потенциального отца этого ребенка.) В батальоне были призывники из Одесского, Днепропетровского, Туркестанского и Закавказского военных округов.

«Дедовщины» у нас не было. «Отцы»-командиры так организовали смену призывов, что со старослужащими мы встретились только раз – в бане, когда нас переодели в солдатскую одежду; потом пришлось долго привыкать к тому: кто есть кто.

Были незабываемые моменты службы. Один солдат – узбек, по национальности – Базаров из Гурьева, если верить учётным документам ВЛКСМ, сперва вступил в комсомол, а потом родился. Старшина роты обещал ему дать рубль, если тот будет спать без шапки-ушанки. С другим солдатом, тоже из Азии, был другой забавный случай: его привезли на телеге селяне – пошёл в самоволку и заблудился, пошёл в противоположную от расположения части сторону. (Наверное, географию у них в школе не преподавали).

Однажды услышал в коридоре дружный хохот дневального и находившихся в казарме солдат, вернувшихся с работы. Одного нашего солдата нашли пьяным соседи-ракетчики, посадили на ослика; чтобы не упал, – ноги связали под брюхом осла, довели или довели до свинарника (нашего), где передали одному из солдат хоззвода, чтобы тот доставил «пострадавшего» по месту службы. Но здесь осёл заупрямился. Пришлось сослуживцу толкать ишака сзади. Хохот стоял потому, что «пострадавший», сидя на осле, по габаритам не проходил в дверь казармы.

Были особо памятные события. Я был командирован в роту, дислоцировавшуюся в Кишиневе с проверкой отчётных документов. Комсорг роты, работавший машинистом подъёмного крана, накануне уехал в Одессу ремонтировать электромотор, вышедший из строя. Делать было нечего. Посоветовался с ротным старшиной и... поехал на юг, в Александровку, в школу и к невесте. Патрулям не попался, т.к. военные стояли в Болграде, а я вышел раньше. Пешком преодолел километров 15, к концу учебного дня пришёл в школу. Конечно, кто-то сообщил об этом моей невесте.

Но всё хорошее кончается. Поезд на Кишинев шёл поздно вечером, но до железной дороги следовало ещё как-то добраться! Вопрос решили просто: секретарь парторганизации колхоза С. М. Димитров распорядился, чтобы на колесном тракторе меня доставили на станцию Табаки. (Сейчас такое возможно?!). Прибыл в Кишинев, затем в часть (комсорг Дроздов ещё не вернулся).

Срок командировки заканчивался, убыл в распоряжение, в Жеребково. По «закону подлости» вскоре комсомольскую работу проверяли в Кишиневе из Политотдела. Пришлось оправдываться перед командиром батальона. Остался живой.

Перед Новым годом был в клубе нашей части, расположенном между казармами и ж/д станцией Жеребково. Погода была слякотная, несколько дней шли дожди, так что везде, за пределами асфальтового покрытия было грязно и скользко.

Неожиданно меня отозвал старшина роты, сказал, что ожидает какая-то девушка. Я никогда не ожидал, пошёл за ним. Оказалось, приехала моя будущая супруга! Радость была большая, но потом возникли вопросы: чем и где накормить и как устроиться с ночлегом? Сперва электрик из нашего взвода договорился с бабулей в селе о ночлеге, потом начальник штаба дал ключи от своей квартиры на территории городка. Как кормились, чем, и каким образом, – в памяти не сохранилось.

В баню нас возили на грузовиках в г. Ананьев. Это было событие, которого ждали все – хоть немного отвлечься от однообразных будней. Кроме помывки всего личного состава, меняли бельё. Это было принципиально, особенно в части смены портянок. Сапоги с портянками сушили в котельной, каждый запоминал место, где оставил свой комплект. Однако, гарантии что утром возьмёшь свои сапоги, а, главное, свои портянки – было делом удачи: кто раньше просыпался, тот и забирал себе самые чистые портянки. Иногда, для смеха, комплектовали два левых сапога или два правых. Воровства, как я помню, не было. В бане тоже веселились: было несколько человек, организаторов «хоxm». Как правило, шутили одинаковым образом: выбирали «жертву», ждали, когда намылятся, а потом выключали воду, а чаще – убирали тазик с водой «жертвы». Обычным было ладонью прикрыть идущую под напором холодную воду и окатывать таким образом тех, кто находится рядом с краном.

С замполитом к концу службы сложились напряжённые отношения... Штаб находился с торца здания казармы. Там же находился кабинет замполита. Как-то весной я решил пойти с солдатами одного отделения на объект (теплотрассу). Не столько помочь, сколько самому почувствовать, что может интересовать солдата после рабочего дня. Предупредил дневального о своих планах, но замполит зашёл в кабинет с торца казармы, минуя дневального. Меня в кабинете не застал, а вечером устроил «разгон» в присутствии солдат, с которыми я был на объекте, называя мои действия «партизанщиной». Позже я понял, что солдаты приняли мою сторону. Моё университетское образование его «доставало». Позже, перед моей демобилизацией, замполит сказал солдатам, дескать, Муха только говорит, что окончил университет, а на самом деле купил диплом.

Далее события развивались так. Оформление документов на демобилизацию должно было происходить после соответствующей команды замполита. Такой команды не было. Со школы, откуда я ушёл на службу в армию, завуч прислал телеграмму о том, что за мной сохраняются мои учебные предметы и учебные часы. Другими словами, меня должны были демобилизовать в середине августа, чтобы 1 сентября я мог приступить к учебным занятиям. Увы! Возможно, Господь увидел эту ситуацию и прислал в часть начальника Политотдела округа, к которому я обратился, показал телеграмму из школы. 28 августа началось оформление «дембельских» документов.

В сельской школе

Вернувшись, в Александровскую среднюю школу после армии обнаружил, что поменялся завуч, появились новые учителя. В качестве учебной нагрузки вёл уроки географии, рисования, химии. Занялся изучением «своего» хозяйства. Оказалось, что имеются карты, которых не было в университете. Когда их прислали и зачем в семилетнюю школу, осталось загадкой. Среди химикатов было много компонентов для проведения занятий по органической химии, которая не препода-

давалась в семилетке. Впечатление такое, что в школу направляли всё то, что поступало на базу. В то же время, обычных компасов не было вообще. Постепенно начались перемены к лучшему. При мне начали строить грейдерную дорогу, при мне в селе появился первый мотоцикл с коляской, первый телевизор. Я себе с первой полочки купил лучший в те годы в своём классе транзисторный приёмник «Спидола».

Закончили возведение здания школьной столовой, в чём лично был заинтересован. Завуч сказал, что для открытия, точнее для принятия членами комиссии из района, необходимо сделать приличную вывеску. Изготовил на стекле, благо, навыки были. Итог был неожиданным: когда затопили печку, дым через трубу не пошёл. Оказалось, строители не соединили печку с трубой. На чердаке никакой кладки не было вообще. Вот такие особенности строительных работ по возведению объектов коммунального значения.

Занятия «текли» своим чередом, однообразно и буднично. Правда, однажды приехала комиссия, сформированная Болградским районом из учителей школ района. Боялся, что будет замечание по поводу моей одежды. Ходил в школу в солдатской гимнастёрке, галифе, сапогах. Нет, всё обошлось, получил положительную оценку проведенного урока.

Посещаемость занятий, особенно во время уборки урожая винограда селянами, сокращалась. Беседы с отцами отсутствующих на занятиях никаких результатов не давали: сыну знания не нужны, овец можно пасти и без образования. Когда вино начинало созревать, ученики 5 класса приходили в школу слегка хмельными, что в порядке вещей в селе. Язык общения между собой школьников и селян, «вульгарный» турецкий с отдельными словами русского, молдавского и болгарского происхождения. Позже выяснил для себя, что говор гагаузов в с. Джолтай, куда поехал однажды, чтобы ликвидировать неиспользованный в университете отпуск (в этом селе работал с бригадой строителей мой двоюродный брат) – отличается.

По-прежнему, существовала проблема питания. Осенью, пока ещё не было дождей, собирались по выходным дням по три – четыре человека и пешком (11 км) ходили в столовую большого соседнего села Огородное, расположенного между Александровкой и Болградом. Несколько раз по выходным ходил с коллегами на охоту. В школе была малокалиберная винтовка, а патроны к ней можно было купить в хозяйственном магазине. Благо меня знали в селе, никаких охотничьих документов не надо было предъявлять.

В моей личной жизни произошёл поворотный момент: решили сыграть свадьбу, конечно, в школе. Такое событие без поддержки властей не могло состояться. С секретарём парторганизации договорились, что для колхоза я оформлю «наглядную агитацию» к 7 ноября. Колхоз помог продуктами, администрация школы распорядилась выделить вино, которое изготовляли из винограда пришкольного участка. Старейшины села посоветовали купить сахар и приготовить самогон. Знаменательно это выглядело. В помещении комнаты, в которой я жил у хозяина, я писал красками лозунг «Да здравствует социалистическое соревнование». В это время пришёл отец хозяина дома, который в подвале был занят «процессом» с предложением попробовать изделие. Попробовал и продолжил писать дальше. На свадьбу пришли все учителя и часть местных жителей. Из подарков запомнились два живых гуся, которых мы потом на ноябрьские праздники повезли в Одессу на квартиру родителей.

Ближе к весне с директором школы завёл разговор о том, что по окончании учебного года намерен вернуться в Одессу, университет, заняться научной работой. Он, внешне, не возражал, предложил написать заявление, но не ставить дату: дескать он будет в районе, уточнит.

Позже, отсутствие даты определило «подводные» настроения директора школы. Он не хотел меня отпускать, и, формально, отсутствие даты на заявлении служило поводом мне отказать. Однако, я знал, что после подачи заявления, следует отработать две недели. После этого по закону нет оснований мне отказать в праве поменять место работы, пригрозил в районе, что обращусь в прокуратуру. Отпустили меня из школы, возвратился к родителям.

Работа в палеонтологическом музее

В палеонтологическом музее должна была произойти «смена декораций». И. А. Одинцов бывший до 1966 г. заведующим музеем, защитил диссертацию и должен был получить диплом кандидата с последующим переходом на преподавательскую работу на геологическое отделение ГГФ. Мне пообещали, что возьмут на эту должность. Какое-то время я числился землекопом в «катакомбах» у Грица, а с ноября стал, как тогда говорили, директором музея.

Возник вопрос о необходимости препарирования костей скелета мастодонта из с. Точилово с последующим монтированием его в одном из залов музея. Лаборантом музея в те годы работал М. И. Благодаров. На его плечи легла основная «черновая» обработка некоторых частей скелета: дело в том, что большая часть костей находилась в очень крепкой «рубашке» цементированного песчаника. Никаких особых приспособлений для препарирования костей не было: обычные зубила и молоток. Приобретённая зуботехническая машина не выдержала прочности вмещающей породы. Некоторые фрагменты костей разрушались на ещё более мелкие части. Короче, практически каждый новый день вместе со скульптором музея Павлом Григорьевичем мы начинали с того, что вертели в руках эти фрагменты в поисках характерных поверхностей, которые позволили бы состыковать фрагменты между собой, а затем склеить. Павел Григорьевич предпочитал для этого использовать столярный клей, в некоторых случаях с добавкой гипса в качестве наполнителя.

Изучение и описание скелета мастодонта поручили мне. Таким образом, работа в музее стала моим хобби и целью. По этой причине, среди прочего я включился в работу по изготовлению схемы монтирования костей, но основная идея была разработана П. Г. Ивановым. Старая схема монтирования подразумевала искривление металлического каркаса из труб вдоль по длине каждого отдела скелета: отдельно каждой конечности, позвоночного столба, тазового отдела, черепа и челюстей. Воплощенный Павлом Григорьевичем «стиль» монтирования позволял, в отличие от предшествующих смонтированных скелетов, изъять любую кость для замеров, изготовления копии и т.п. Кроме этого, можно было расположить кости скелета на любую величину шага, а при большом желании (и необходимости) расположить кости в позу отдыхающего животного, на «брюхо».

Для начала работы нужно было установить длину позвоночного столба. Скульптор из гипса отлил недостающие позвонки, взяв за основу один из оригиналов. Начал меня приобщать к работам с гипсом, научил изготавливать кусковые формы для получения гипсовой копии оригинальной части скелета или зуба хоботного. В последующем эти знания и навыки пригодились мне, когда я стал собирать материалы по изучаемой группе животных, обнаруженных ранее исследователями прошлого на территории Северного Причерноморья, но экспонируемые в музеях Москвы, Ленинграда, Киева, Кишинёва.

Сперва была мысль расположить скелет в зале, где диарама, но он не вписывался по возрасту отложений, составу окаменелостей. Короче, вдвоём с П. Г. Ивановым с помощью досок сдвинули скелет мамонта от центра, а на изготовленный в мастерских ОГУ подиум стали монтировать скелет. Стремилась закончить эти работы к Международному коллоквиуму («Тираспольскому» по названию останков животных т.н «тираспольского фаунистического комплекса») 1969 г. К сожалению, Павел Григорьевич не дожил до этого дня.

Следует немного остановиться на двух важных событиях 1969 года. Это международный «Тираспольский коллоквиум», о котором уже упоминалось, и Дни науки Одесского университета на ВДНХ в Москве.

Участники коллоквиума, кроме геологических маршрутов по важным для международной геологической науки объектам в пригородах Одессы, посещения палеонтологического музея университета и должны были совершить экскурсию в «катакомбы» – Подземный палеонтологичес-

кий заповедник («хозяйство Т. Г. Грицай»). Для того чтобы попасть в карстовые пещеры в районе автовокзала (на Молдаванке), следовало укомплектовать группы участников коллоквиума по 10–12 человек. Группа больше рисковала тем, что кто-то не увидит или не будет слышать пояснения к объектам, которые представляли иллюстрации к вопросам истории происхождения пещер, их обнаружения, перечислению списка ископаемых форм животных, которые обитали в окрестностях нынешней Одессы порядка 3,5–4,0 миллиона лет назад. По технике безопасности, один из наших сотрудников должен был находиться наверху, у входа, на случай непредвиденных ситуаций под землёй. Второй (это был я) сопровождал группу по маршруту.

В те годы, после спуска по наклонному тоннелю до уровня расположения пещер и движения по расширенному и углубленному ходу, продолжающему часть каменоломни, гости попадали в пещеру, в которой справа по ходу был оставлен фрагмент «кармана» карстовой пещеры с наполнителем – красно-бурой глиной, длинными костями конечностей, фрагмента черепа и нижней челюсти позднеплиоценового верблюда. Далее по направлению пещеры в «потолке» были видны две карстовые воронки. На стенке пещеры в известняке были видны царапины от когтей гиены. Грицай рассказывал, что тот скелет гиены, который экспонируется в Киеве в музее на Владимирской, был извлечён из глины именно в этом месте. Далее следовало несколько вернуться назад, повернуть вправо в «главную» пещеру, которая в своей концевой части переходила в следующий, расположенный ниже горизонт пещер. Здесь же открывался поперечный профиль естественной котловины, которая, очевидно, сообщалась с дневной поверхностью, и откуда, скорее всего, вместе с породой – глинами, поступали и разрозненные части туш погибших животных, и целые туши.

Проследовав дальше, поперёк «главной» пещеры посетители попадали в «двухэтажную» пещеру. По ходу маршрута было хорошо видно, что пещера, днище которой было на уровне ступней экскурсантов, ниже переходила в следующий, расположенный глубже от поверхности «этаж». На борту пещеры были оставлены в естественном залегании кости конечностей верблюдов. Пронаблюдав характер пещер, форму поперечного их сечения, расположение костей в бывшем потоке можно было аргументировано говорить об уникальности этого природного захоронения животных, обитавших в условиях кустарниковых саванн.

К экскурсии в катакомбы были «допущены» только граждане СССР. Каждый или почти каждый из них высказывал свои соображения по поводу происхождения пещер, времени, механизма заполнения пещер и т.п., поэтому мои представления в значительной мере пополнились мнениями специалистов, во всяком случае, в той части, которая мне показалась логичной. Были высказаны соображения об этапах образования глинистых толщ, было предложение отобрать образцы глин из верхней части толщи и у основания. Однако, пробы никто не отбирал и, естественно, никакие анализы не проводились.

Зимой 1969 г. состоялось посещение научной общественностью нашего университета Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ), павильона «Народное образование». Принимал нас замминистра высшего и среднего специального образования СССР Станис, было посещение МГУ, приём у заместителя выставкома ВДНХ. Особо хочется выделить два момента. Участники самодеятельности ОГУ выступали, кроме ВДНХ в Кантемировской дивизии. Приняли очень хорошо, с праздничным ужином, но из руководства университета никто не присутствовал. Вторым моментом – А. В. Богатский поехал в Москву проректором по учебной работе, а вернулся ректором университета, вместо А. И. Юрженко.

Запомнилось ещё, что почти все мы чего-то долго ждали в помещении павильона, на улице был мороз порядка – 25°C. Дмитрий Ильич Богуненко, как мне помнится, никогда особо не подбирал слова. Здесь тоже. Обращаясь к председателю профкома, тогда это была Грановская, он заявил примерно следующее:

– У нас в университете, как в гареме.

Когда его спросили, что он имел в виду, он ответил:

– То, что «поимеют», – это точно. Не известно только когда!

В последующем часто вспоминал эти слова.

1970 год остался в памяти из-за холеры в Одессе. Мы планировали выехать на рекогносцировку по районам области, где раньше случались находки ископаемых, однако объявили карантин. Это значило, что выехать из Одессы можно было только в случае прохождения обсервации. Так называлось нахождение группы людей на какой-то ограждённой территории от общения (в обычном смысле этого слова) со всеми, кто имел право свободного перемещения, что называется, куда глаза глядят.

Мне и раньше приходилось каждую осень выезжать на сельхозработы в определённые хозяйства для уборки кукурузы, помидор, арбузов, иногда – свёклы, чаще – винограда. Пришлось собираться и в этот раз, с той разницей, что перед отправкой в Ивановский район, на территории нынешнего стадиона ОНУ (тогда там был студенческий лагерь отдыха) собрали нас, сотрудников университета порядка 40 человек. Жили в отдельных домиках, в основном, по подразделениям. Разница в том, что для еды каждый индивидуально получал перед обедом ложку, наполненную раствором соляной кислоты (никого не интересовало понятие «кислотности желудка»). Несколько раз сдавали анализ кала. Если у кого-то обнаружится вибрион холеры (из этого коллективного «коктейля») – срок обсервации продлевали. У нас тоже так случилось, но потом сказали, что это могло быть в том случае, если кто-то перегрелся на солнце. Пообщаться с родными и близкими можно было на расстоянии. «Охраняли» нас, сотрудников университета, наши же студенты, которых обрядили в комбинезоны, пилотки, и для острастки выдали штыковые ножи. Иногда с «воли» передавали бутылки с сухим вином (в кислой среде вибрион гибнет, утверждали врачи). Той осенью сухое вино практически пропало с прилавков магазинов. А по городу поползли слухи, что в центре города умерших от холеры грузят на подводы в полиэтиленовых мешках, засыпают хлорной известью, что умерших – десятки. Короче, как всегда в Одессе!

Город со стороны материка оцепили войска, выехать на автомобиле без специального пропуска (следили за этим строго) было невозможно. Нас рано утром погрузили в автобусы и отвезли на станцию «Одесса – Застава-2». Под наблюдением вооружённых солдат мы вошли в вагон. Попытки что-то купить в ларьке не допускались теми же солдатами. Вышли мы из вагонов в Раздельной, где ждали бортовые машины из разных колхозов, где предстояло работать студентам. Запомнилась привокзальная площадь в Раздельной. Справа от здания (старого) вокзала за забором из досок были вырыты две канавы, перегороженные «наседом» из досок с отверстиями. Это был один большой общественный туалет. Дело в том, что пассажиры из Одессы могли уехать только из Раздельной, т.к. там останавливались, как на конечной станции, все поезда до Одессы.

Общее руководство всеми студентами в период сельхозработ поручили сотрудникам военной кафедры университета. Хорошо, что этот опыт не был перенят в последующем. Студенты, не живущие в Одессе, приезжали самостоятельно в села, где предстояло убирать урожай. Если руководителем не был преподаватель факультета, которому принадлежали студенты, о результатах лучше не говорить. Может, по этой причине среди преподавателей появился слух, что отдельные хозяйства собирается посетить ректор А. В. Богатский.

С открытием геологического отделения в университете встал вопрос о прохождении учебных и производственных практик для будущих специалистов-геологов. Помнится, что в Минвузе (в Москве) обсуждался вопрос: какая область геологических знаний подлежит изучению в ОГУ. Дело в том, что проф. Л. И. Розовский представлял себе в перспективе необходимым специализироваться в Одессе на морских инженерных проектах, проф. И. Я. Яцко полагал, что следует заниматься поиском и освоением месторождений полезных ископаемых. К этому следует добавить, что в МГУ уже существовала специализация по морской геологии («Москва – порт пяти морей!»).

На самом высоком уровне было согласовано проведение учебной практики в Бахчисарайском районе Крыма (р-н с. Прохладное, близ Крымской астрономической обсерватории). Эта практика называлась «Структурная геология с основами геокартирования». Руководителями первой практики были доц. И. А. Одинцов и доц. М. И. Савченко. Меня откомандировали в качестве персоны

учебно-вспомогательного персонала. На Полигоне МГУ (с. Прохладное, бывший Мангуш) под жильё студентам ОГУ отвели самый нижний ряд полковых палаток (две – для мальчиков, одна – для девочек). Для тех, кто бывал на Полигоне, это по направлению к медпункту, у основания склона г. Сель-Бухра.

Все жилые помещения для студентов представляли собой палатки на 10 человек: по пять кроватей с каждой стороны от входа. По центру стоял кол, на который и надевалась палатка. Верхний периметр был прямоугольным, сделан из досок, сбитых между собой. Такая конструкция позволяла проветривать палатки, подняв брезентовые боковые борта вверх, но не обеспечивала сохранность вещей, которые оставляли студенты, уходя в маршрут. По этой причине, а также по причине того, что ранней весной и поздней осенью в палатках было сыро и холодно, начали строить каменные домики. Первые возводили наши одесские студенты, но это было позднее. Так как палатки располагались ярусами, возникли названия «улиц»: Дерibasовская и Ришельевская. Овраг рядом назвали «Кривая балка».

Обязательным было участие в сборе урожая: персики, яблоки, груши. Позже предлагали работать на уборке слив, розовых лепестков и листьев табака. Самая тяжелая работа в жару, среди сплошных испарений фитонцидов, на полях табака. Но оплата работы там была самая высокая – 2 руб 90 коп. при условии выполнения нормы. Какая была норма – не помню.

После маршрутов часто организовывали спортивные игры: футбол, волейбол, настольный теннис. Практически всегда выигрывали одесситы. В связи с этим обстоятельством, нашли плитку из инкерманского известняка, написали на ней: «Товарищу Дюку. Граждане Одессы», и установили «на Дерibasовской», возле аллеи, ведущей вниз. К этому «обелиску» приносили цветы после очередной спортивной победы.

Выпускали стенгазету на один ватманский лист «Одесская особая» (так назывался один из видов водки, настоянной на какой-то траве, отчего цвет напитка был коричневым).

Понимая, что маршруты будут и дальние (в те годы картировали и район Верхоречья, по долине р. Кача), университет выделил спецмашину, бывшую военную радиостанцию. Огромная, неповоротливая (радиус поворота – 11 м, как раз для горных дорог района практики), она хорошо поднималась по крутым склонам, но развивать приличную скорость не могла. Однако свою роль она выполнила. Когда были дальние маршруты у какой-то группы студентов, перед обедом ехали им навстречу, забирали их и всех москвичей, которые возвращались на Полигон из маршрута. Довольно скоро между нашими и студентами других вузов установились довольно дружеские отношения.

Конфликты с местными возникали редко: татар тогда ещё не было. Это позже они стали появляться в Крыму, устраиваясь работать на такие должности, где всегда были вакансии: истопники, дворники, проводники пассажирских вагонов и др.

Все годы обязательны были маршруты в район Бахчисарая: пешком по долине, затем на водораздел по «Краниевому» оврагу, мимо экзотических форм рельефа, образованных выветриванием, с посещением пещеры, где был обнаружен киик-кобинский мальчик.

После посещения ханского дворца традиционно посещали чебуречную, затем транспортом возвращались на Полигон. Маршруты выходного дня организовывали так. В Симферополе заказывали автобус, которым ездили в Никитский ботанический сад, иногда – в Почтовое, на море. Самым длинным был маршрут на Керченский полуостров, на грязевые вулканы близ с. Бондаренково (к северу от г. Керчь).

Первые поездки сохранили следы трагического десанта к северу от Керченского пролива в годы Отечественной войны. Немецкие укрепления находились на возвышенном берегу, море здесь мелкое, поднявшийся шторм во время высадки десанта опрокинул многие плоскодонные лодки, многие просто утонули, много погибло от пуль. Сохранились остатки окопов, места расположения огневых точек фашистов. В первый раз мы нашли остов пулемёта с пулемётной лентой в зарядном устройстве, остатки оружия, оторванную кисть руки с ракетницей, место, где стояла

артиллерия (от снарядов сохранились только их задние части, где находился капсюль). Наши или немецкие патроны можно было определить по гильзам: в 1943 г. на вооружении у советских воинов уже были патроны из сплава, в котором медь отсутствовала.

Обратно к автобусам возвращались по берегу Азовского моря, наблюдая особенности геологического строения материковой части, по пути довольно часто встречая скелеты дельфинов, которые попали в браконьерские сети и были уничтожены.

Со временем взаимоотношения с местной администрацией осложнились. Формальным поводом послужил тот факт, что группа одесситов была последней на полигоне. Студенты МГУ, МГРИ, университета Дружбы народов и др., (часто на полигоне были студенты из Воронежа, Днепропетровска) уехали. Мусор коммунальщиками Бахчисарая не был вывезен во время, а в это время приехали проверяющие из санэпидемслужбы. Потом пришлось решать вопрос присутствия студентов ОГУ на полигоне с помощью выпускника нашего университета, работавшего в Симферопольском исполкоме.

Со студентами второго набора руководителями ездили О. М. Анастасьева, И. А. Одинцов и я – в прежнем качестве. Между студенческими палатками с разрешения руководства поставил свою двухместную палатку; руководство поселилось в селе Прохладном. О. М. Анастасьева, приближаясь к палатке, где спали студенты, издали кричала: «Индейцы!», и студенты вываливались через задний борт палатки в кювет, который отгораживал один ряд палаток от другого.

На грязевые вулканы Керченского полуострова студентов возили с ней. Эта практика запомнилась двумя эпизодами. Первый случился, когда возвращались с экскурсии на грязевые вулканы. По какой-то причине к Феодосии подъезжали на своём грузовике поздно вечером, в новолуние. Стало понятно, что надо заночевать, не въезжая в город. Решили расположиться на ночлег на пляже, благо, что пляж не охранялся. Вынесли и расстелили палатки в полной темноте. Под приятный шелест моря все быстро уснули. Утром обнаружилось, что на всём пляже было два мусорных контейнера: мы расположились возле одного из них. Второй эпизод был связан с Карадагом, точнее – биостанцией, в которой у Оксаны Митрофановны были знакомые и уверенность в том, что нас встретят, как своих. Увы! Ночевали на склоне Карадага, гипсометрически выше станции.

В музей приезжали многие учёные для работы с коллекциями, некоторые легендарные люди. Среди них был Ян Мартынович Эглон, который был в составе Советско-Монгольской экспедиции с участием Ивана Антоновича Ефремова. Представители старшего поколения знают его как писателя-фантаста, автора книг «Туманность Андромеды», «Таис Афинская» и др. Но Ефремов по специальности был геологом, и в период экспедиций в Монголию исполнял обязанность начальника стратиграфического отряда. Я. М. Эглон работал скульптором-палеонтологом в Палеонтологическом музее АН СССР. Он первый начал изготавливать отсутствующие части костей скелета, вырезывая их из липы. Мне он подарил изготовленный по его заказу очень нужный инструмент для работы с гипсом – стеку. Нынче не осталось скульпторов-палеонтологов, их нигде не готовят. Естественно, инструменты для таких специфических работ тоже отсутствуют.

Среди таких гостей был и американский учёный Кларк Хауэлл (Clark Howell). Приехал он, минуя закон (называя вещи своими словами). Московские коллеги высокого уровня обратились с просьбой принять Хауэлла, предоставить возможность поработать с коллекциями музея. Почему вне закона? У университета не было прямых отношений с Академией Наук Москвы, поэтому по договорённости на высоком уровне его отправили, якобы, в институт А. В. Богатского, который имел статус академического заведения. «Интурист» занимался поселением гостя, организовывал питание, документальное сопровождение, но работал Хауэлл с материалами по ископаемым млекопитающим. В общении между нами существовал языковой барьер, поэтому университет прикрепил сотрудницу из отдела международных отношений.

Как рассказал о себе наш гость, до приезда в Одессу он 8 лет руководил раскопками в Африке, знаком лично с Ричардом Лики, который известен, как исследователь, который занимался поисками «недостающего звена» в истории человека. Кларк занимался изучением сопут-

ствующей этому «предку человека» фауны. Позже он выступил с докладом о своих раскопках в помещении Археологического музея Одессы. Снова возникла проблема языка. Нашли специалиста, который работал переводчиком в почвенной экспедиции в Африке. Когда не хватало терминов для перевода, использовали латинские названия. Так, в словарном запасе переводчицы (спасибо ей большое за помощь) не оказалось английского эквивалента слова «бобр».

Среди материалов из карстовых пещер Одессы оказался один вид гиен, которые по находкам на тот итог исследований, известны были только в северной Африке и Китае. То, что И. Я. Яцко определил, как принадлежащее сиваликским гиенам, оказалось «сборным» видом, а материалы, которые И. А. Одинцов отнёс к лисицам, по мнению Хауэлла принадлежали стайным собакам. Он предложил мне написать совместную статью о хищниках из карстов Одессы, но я отказался, т.к. не считал себя специалистом по этой группе животных. В благодарность за помощь с обработкой ископаемых материалов музея позже Хауэлл выслал коллективную монографию по результатам раскопок в Африке с дарственной надписью. Я её передал в университетскую библиотеку.

Кларк пригласил меня приехать в Калифорнию, обещал нормальный быт, доступ к любым ископаемым коллекциям, любым литературным источникам, сказал, что ко мне «приставят» переводчика. Если условия понравятся, я могу остаться поработать в Штатах.

В завершение его пребывания в Одессе мы организовали посещение музея в Нерубайском. У входа в музей я встретил коллегу, спросил, как быть с посещением музея для иностранца. Решили, что гость должен молчать во время экскурсии. Мероприятие совершилось. Когда вернулись в Одессу, водитель такси сделал мне замечание: я не должен был предлагать маршрут через Усатово (хотел показать гостю последовательность залегания пород в естественном обнажении.) Почему нельзя – пояснения не последовало. «Мы иностранцев здесь не возим» – и всё!

Через Хауэлла передал для Веры Эйзенман, учёного из Франции, бутылку «Шипучего» одесского производства, которое ей понравилось во время нашего знакомства, о чём речь будет далее.

Была в Одессе, в качестве аспирантки И. Я. Яцко, якобы, Анн-Мари Форстен, подданная Финляндии. Она изучала гиппарионов Европы, в том числе и по находкам на юге СССР. Позже, когда она научилась прилично говорить по-русски, после одного из визитов на свою Родину, она рассказала, что в подвалах университета в Хельсинки есть ящики с ископаемыми останками позвоночных профессора Ришельевского лицея Александра Нордмана. (Как-то приезжали с телевидения г. Хельсинки, чтобы финнам рассказать об этом учёном, их земляке, т.к. информация сохранилась только в Одессе). Форстен рассказала и о том, что в Дюссельдорфе экспонируются скелеты слона из Украины, описанного Закревской, скелет верблюда из карстов Одессы, подаренного до войны киевлянам, скелет мамонта. Эти скелеты в качестве трофеев были вывезены оккупантами. В Румынии, в Ясском университете оказалась часть ископаемых из «одесских катакомб», которые попали туда таким же путём.

Форстен передала, что немцы не против вернуть ископаемые скелеты «на родину», но для этого нужны письменные основания. Такие документы где-то находятся в братской России. Из материалов Гельсингфоргского университета (раскопки А. Нордмана) Форстен сделала пластмассовую копию челюсти какого-то хищника, найденного в окрестностях Одессы – название не помню. А из Румынии привезла просьбу одного из румынских учёных изготовить гипсовые копии костей скелета тюленей из Ново - Елизаветовки, описанного в монографии А. К. Алексева. В качестве материала компенсации, учитывая мои научные интересы, этот исследователь обещал передать копию зуба мастодонта из возрастных аналогов Румынии.

В то время я обучал сотрудниц музея ремеслу изготовления гипсовых копий с оригиналов. Поскольку задача была лишена конкретики, сотрудницы произвольно выбрали несколько костей, сделали гипсовые отливки. Через какое-то время из Москвы приехал учёный Кирпичников и рассказал, что направленные гипсовые копии, оказалось, принадлежат новому, не описанному ранее виду тюленей. Вот так бывает. Кстати, слепок зуба мастодонта я так и не получил.

Ещё во время преддипломной практики, находясь в Молдавии, я познакомился с некоторыми учеными из Отдела палеонтологии и биостратиграфии Института геологии Молдавии. В последующем был заключен договор о содружестве университета и молдавских геологов. Вместе выезжали на полевые работы в различные регионы Молдавии, готовили к проведению международных совещаний маршруты. Задача была такая: определить расстояние в километрах от одной точки до другой, степень обнажённости толщ, которые предстояло показать гостям, установить места, где можно было оставить автобусы, на которых предстояло привезти участников, наличие приличных гостиниц и пунктов питания, кухню и т.п.

К следующему совещанию – 1982 г. (заведовал кафедрой уже С. А. Мороз) совместно с другими членами оргкомитета подготовили пункты наблюдений в окрестностях Одессы. С. А. Мороз дал задание: составить текстовую часть для участников совещания по карстовым пещерам Одессы, сказал включить в список авторов К. К. Пронина, поскольку у него мало публикаций. (С. А. Мороз не захотел привлекать к этой работе И. А. Одинцова).

Очень интересно было для меня познакомиться «вживую» с учёными, фамилии которых значились на обложках учебников и монографий, авторов гипотез и открытий, которые изменили представление об истории Земли. В дискуссиях решались вопросы сопоставления времени образования геологических тел в разных регионах Европы, корреляции толщ в Европе и Северной Америке и др. Среди проблемных вопросов, к примеру, рассматривали геологический объём «антропогена», поскольку главным событием этого временного промежутка было появление человека. Однако, по представлениям учёных на тот этап развития жизни, самый древний человек был родом из Африки. Какие аналоги этого времени должны были соответствовать в Западной и Восточной Европе? Ведь не могла существовать такая картина, при которой отложения антропогенного возраста имели место только в Африке! А что соответствовало в морских бассейнах этому геологическому времени? Предложили для сопоставления геологических слоёв использовать, к примеру, слонов, которые встречались в Африке и на других территориях. Но, возникает вопрос: «Какой промежуток времени, а, значит, и геологических тел отвечает времени появления, массового распространения или этапу вымирания этих животных?».

Рассматривали вопрос и соответствия местонахождений крупных млекопитающих и, к примеру, грызунов, останки которых практически повсеместно находятся в речных отложениях. Смысл заключался в том, чтобы по находкам определённых групп диагностических останков ископаемых грызунов можно было «выйти» на обобщения о временном соответствии этих грызунов видовому составу определённых видов крупных млекопитающих, и, соответственно, геологический возраст толщи, в которой обнаружены палеонтологические артефакты. (Дело в том, что понятие «фаунистических комплексов» с определённым биостратиграфическим возрастом только разрабатывалось).

В Молдавии были организованы геологические экскурсии на юг региона, где находятся давно изученные местонахождения континентальных фаун разного геологического возраста. Там, в районе Кагула я ближе познакомился с Верой Эйзенман, о которой упоминалось ранее. Мы обменялись сувенирами. Там же на одном из обнажений, практически без свидетелей состоялась беседа с президентом АН Югославии. Узнав, что я из Одесского университета, он обратился с просьбой: изыскать возможность выслать в Белград ранние публикации акад. В. Д. Ласкарева, который в 1918 г. эмигрировал в Югославию.

С просьбой найти и выслать в Калифорнию монографию А. К. Алексева «Меотическая фауна деревни Ново-Елизаветовка» 1915 г. обратился и Кларк Хауэлл, о котором говорилось ранее. Сотрудники отдела по работе с иностранцами сообщили, что ничего выслать нельзя, т.к. книги и оттиски – национальное достояние. О том, что можно сделать ксерокопию работы, в те годы разговоров быть не могло: не было в широком пользовании таких приспособлений.

Новым для меня было и то, что среди участников совещания были и «чекисты». Одно мне представили как «Гену из общества охраны природы».

После получения подтверждения из ВАКа о моей профессиональной пригодности к ведению занятий со студентами, начал читать лекции на геологическом отделении ГГФ, совмещая преподавательскую работу с музейной. Долгое время не удавалось найти себе замену на должность заведующего музеем, т.е. материальные ценности музея продолжали числиться на мне, как материально ответственном. Это ничего плохого не предвещало.

В 1980 г. успешно провели раскопки скелета хоботного у с. Егоровка Раздельнянского района. Рекогносцировочные исследования были мною проведены в самом конце 1979 г. Эти и другие проблемы палеонтологии в регионе, в моём видении, изложены в рукописных материалах, находящихся в редакторском портфеле Известий Музейного Фонда им. А. А. Браунера. В данном случае намерен сообщить о тех деталях раскопок, которые не нашли места ранее.

Итак, месторасположение останков скелета находилось по трассе строящейся железнодорожной ветки в направлении порта «Южный». Во времени раскопки были ограничены. Это, к счастью, понимали и в администрации ОГУ, и в районной администрации. На месте, через контору колхоза нас обеспечили самыми необходимыми продуктами (но, за редиской и луком ездили в Одессу). Благо, что постоянно на раскопе находились трое: я, как руководитель раскопок, официальное лицо от университета, и двое студентов геологического отделения: А. Ткачук и Р. Федосеев. Они и провели вскрышные работы, а затем освободили из породы (песка мелкозернистого) кости скелета молодого экземпляра динотерия – хоботного животного, обитавшего в нашем регионе порядка 11–7 млн. лет назад. На раскоп приезжали периодически сотрудники факультета И. В. Носырев, С. А. Мороз, Т. А. Депутатова, М. В. Клювак, В. Н. Кадурич, О. Д. Богуненко. Носырев и Мороз совершили небольшие маршруты по долине лимана, чтобы высказать свои соображения по поводу возраста толщи и образования захоронения. С.А. Мороз, как доктор наук был убеждён, что на данном участке имело место внедрение морских вод в приустьевую часть древней реки, т.н. ингрессия. По этой причине кости должны были принадлежать слону или мамонту. У меня были свои соображения: т.к. толщина песков с костями находится ниже слоя известняков (аналогичных тем, что обнажаются на одесском побережье Черного моря), то возраст находки должен быть или ранним понтическим (возраст известняков), либо ещё более ранним – меотическим, предшествующим понту.

Только находка челюсти (отсутствие черепа было очевидно ещё в начале «земляных» работ) могла дать чёткий ответ: какой вид древних хоботных найден в Егоровке...

Когда кости динотерия стали изымать из вмещающей породы (позже были найдены четыре вида пресноводных моллюсков, меотический возраст которых установил А. Л. Чепалыга), визиты руководства прекратились. Кости динотерия после просушивания под теплом солнечных лучей стали обрабатывать специальным химическим составом. Однажды на раскопе появился сотрудник С. А. Максименюк, который передал распоряжение С. А. Мороза – закопать кости в песок. Дескать в Одессу приехал Президент АН Украины Б. Е. Патон, которого С. А. Мороз намерен привезти на место раскопок и показать скелет. Я отказался, заявив, что отвечаю перед наукой и перед совестью. Кости динотерия привезли к стенам главного корпуса ОГУ на автомашине лесного хозяйства, сотрудники которого любезно согласились помочь университету.

Дальше я почувствовал пристальное внимание к своей персоне, которое длилось несколько лет. Ко мне без предупреждения на занятия стал приходиться профессор С. А. Мороз, один раз вместе с доцентом О. М. Анастасьевой с последующей разборкой недостатков в проведении занятий. При определении учебной нагрузки оказалось, что мне предстоит проводить лекционные и практические занятия по курсу «Полезные ископаемые» (на кафедре были два специалиста – минералога: доц. И. В. Носырев и доц. В. М. Робул); и другой курс – «Мерзлотоведение».

Однажды в библиотеке музея я обнаружил, что старинные книги с иллюстрациями (литогравюрами) ископаемых форм разного времени стоят не так, как обычно. Я написал докладную записку секретарю парткома Л. Х. Калустяну, где высказал свои опасения, что книги могут ис-

чезнуть из библиотеки (так и случилось, только я это обнаружил через лет пять). Против меня выступил И. А. Одинцов, потребовал, чтобы я «поштучно» предъявил все экспонаты музея комиссии (я у него принял «чохом», без проверки наличия). Тогда мне И. Я. Яцко сказал, что фактически в музее костей больше, чем записано в инвентарной книге. Обнаружилось, что отсутствует коллекция моллюсков, приобретенная в царское время. Появились слухи среди сотрудников, что эту коллекцию я продал. Старые книги из библиотеки, которые потеряли свою информативность, и я приготовил к списанию, уже рассматривались как очередная партия, которую я не успел продать. Доцент О. М. Анастасьева пустила слух по факультету, что она видела у меня дома стопку книг из библиотеки! (Она ни разу не была у нас дома и не знала, где я живу). Подключился И. П. Зелинский, который мне в глаза сказал, что видел в магазине антикварной литературы на Дерибасовской книги, которые якобы я сдал (ни один магазин не примет ни одной книги для реализации, если на ней стоит штамп библиотеки). Чтобы выглядеть более убедительным, И. П. Зелинский предложил мне на сумму стоимости недостающих книг, которые установила комиссия, купить в букинистическом магазине книги и сдать их взамен недостающих. (О том, что несколько раз были денежные реформы и на тот час это должны были быть другие суммы – разговора не было вообще.) Я понимал, что как только я куплю хоть одну книгу по рекомендации И. П. Зелинского, – формально я признаю себя виновным.

Поразмыслив и посоветовавшись с оставшимися со мной в дружеских отношениях, я пересчитал стоимость книг, которые приготовил к списанию (по той цене, что была напечатана на обложках). В присутствии И. А. Мудрова, сотрудника лаборатории, внёс деньги в кассу ОГУ. «Корешок» с печатью бухгалтерии отдал главбуху ОГУ Перекитному и уехал в Килийский район на сельхозработы в составе группы сотрудников. Любопытно, что по возвращению в университет снова зашёл разговор о моей вине, но, оказалось, «корешок» пропал уже у главного бухгалтера. Однако, у меня был свидетель – сотрудник лаборатории И. А. Мудров. Тема потеряла актуальность.

Вызвали в учебный отдел ОГУ дать пояснение по поводу анонимного письма в Минвуз с жалобой на меня. Дескать, я присвоил часть студенческих денег, собранных ими на питание во время практики на полигоне МГУ в районе с. Прохладное Бахчисарайского района Крыма. Написал объяснительную по поводу того, что бухгалтерия столовой на полигоне ошибочно дважды за питание взяла одну и ту же сумму. Деньги были внесены наличными. Позже поняли ошибочность повторной оплаты одних и тех же «услуг». Бухгалтер сказала, что на следующий год, когда снова приедут на практику студенты ОГУ, «лишнюю» сумму засчитают в счёт оплаты за питание следующего года.

Однажды к себе вызвал А. Г. Топчиев, который в те годы был деканом ГГФ, и предложил искать себе новое место работы. Я попробовал устроиться в Гидро-метеорологический институт – не получилось. Попросил А. Г. Топчиева помочь найти работу.

Одновременно меня вызвали к следователю Дориенко. Написал подробную объяснительную. Через знакомых юристов узнал, что следователь в Николаеве получил юридическое образование, что этот вопрос можно было решить в университете, что для того, чтобы утверждать, что я продал коллекцию моллюсков из музея, нужен был существовать свидетель, а его не было. Таким же образом узнал, что заявление на расследование подал И. П. Зелинский, а слухи о «хищении в особо крупных размерах» в мой адрес и якобы возможном сроке лишения свободы до 11 лет, говоря современным языком, – «страшилка».

Слово об учителях

Думаю, что на учителей мне везло. Когда моя семья переехала в Одессу, в университете, кроме моих сверстников – студентов, меня окружили люди, на много старше меня. Теперь я понимаю, что это были люди, которых мне ранее не хватало, и которых ныне называют «элитой».

Напомню, что мой отец был кадровым военным. Когда произошло сокращение численности Советской Армии, (т.н. «сокращение миллион двести»), из Архангельска мы переехали в Одессу. К тому времени я был студентом естественно-географического факультета Архангельского пединститута. Свое будущее связывал с геологией, но ко времени переезда в Одессу геологическое отделение в ОГУ было ликвидировано. В справочники эта информация не попала, решение о месте переезда было принято еще в Архангельске и родители решили вернуться «по месту призыва в армию отца».

С Павлом Григорьевичем Ивановым, наверное, мы познакомились после зимней экзаменационной сессии 1961 г. Уклад жизни студенческого коллектива в те годы отличался рядом существенных особенностей. Коллектив любого факультета тех лет отличало, кроме прочего, еще одно обстоятельство – факультетская стенная газета. На геофаке тогда выпускали стенгазету – «Земля и недра». У меня был опыт, т.к. был редактором институтской стенгазеты в пединституте Архангельска. Из памяти стерлись детали, но, т.к. геофак в те годы был в главном корпусе на ул. Петра Великого, 2, где находится и палеонтологический музей, судьба привела меня в музей, где работал скульптором-палеонтологом Павел Григорьевич, который добровольно курировал выпуск факультетской стенгазеты. Не исключено, что выпуск стенгазеты был частью партийного поручения Иванова, но в те годы это ничего не меняло. Возможно, что мы вместе с ним выпускали стенгазету к 23 февраля или к 8 марта. Важно, что знакомство состоялось. Я стал бывать в семье Павла Григорьевича, которая жила в общежитии университета.

Следует отметить, что средний уровень студента пединститута из Архангельска и студента университета из Одессы, существенно отличались. Если за счет профессиональных знаний по географии, полученных в Архангельске, я мог «жить» еще два года, успешно и без напряжения сдавая сессии, то в общечеловеческом, гуманитарном отношении, я был «ноль». У меня не было своей собственной точки зрения ни на творчество Есенина или Блока, ни на преимущества перевода Пастернака «Дон Жуана» в сравнении с переводом Михалкова этого же произведения, ни на лучшие арии в исполнении Джильи или Карузо. Я не поспевал «догонять» своих сверстников в общежитии, огромное им спасибо! Они меня заставили работать над собственной личностью. В конце концов, я начал «комплексовать», понимая свою никчемность и отсутствие каких-либо систематизированных общекультурных знаний. На это обратил внимание Павел Григорьевич. Однажды он, выпускник Одесского училища имени Грекова, профессионал с большой буквы, под предлогом необходимой ему (якобы) помощи в подготовке информации по истории живописи Западной Европы эпохи импрессионизма для доклада на философском семинаре геофака принес из библиотеки книги по творчеству французских мастеров. Задание мне выглядело как краткое изложение на бумаге биографии мастеров, перечень знаменитых картин каждого из них, место экспонирования в различных музеях мира. С заданием я справился, но, видимо, не проникся. Во всяком случае, память сохранила другой эпизод, когда скульптор музея взял для меня книгу о творчестве знаменитого в Англии, но мало известного в континентальной Европе художника Хоггарта. В очередной раз, когда в комнате общежития зашел разговор о предпочтениях каким-то сторонам культурной жизни каждого из жильцов комнаты общежития, я мог продемонстрировать знания, которые не имели места у моих «современников» в общежитии.

В последующем, когда мы стали коллегами по работе в палеонтологическом музее, Павел Григорьевич привлекал меня к поискам научной информации для изготовления полотен в диараму «Развитие жизни на Земле», данных об особенностях строения скелета мастодонтов из Северной Америки. Экспериментально, просматривая узкоплёночные фильмы о животных, которые специально брали в кинопрокате Одессы для учебных целей (были такие), определили длину шага современных слонов в движении, высоту животного в холке и другие задачи. Мы подружились семьями.

В 1967 г. родился наш первенец, в январе. Тогда достать цветы для роженицы была проблема. П. Г. Иванов решил этот вопрос оригинальным образом: он обратился к коменданту главного корпуса университета, и все цветущие экземпляры из разных кабинетов легли в основу букета.

Настало время начать описывать кости скелета. Заставить себя систематически сидеть за столом и писать, на первых порах, для меня оказалось трудным заданием. В этом плане очень мне помог мой учитель, доцент Михаил Иванович Савченко. Ему и Ипполиту Васильевичу Носыреву, доценту этой же кафедры, я «сдавал» еженедельно описанные на бумаге кости скелета. Попутно проводил сравнение позвонков мастодонта с аналогичными позвонками слонов, мамонтов и динотериев, т.е. всех ископаемых хоботных, встречавшихся на юге Украины. Не хватало информации, следовало искать издание, где можно было опубликовать данные материалы. Кроме того, настало время опубликовать предварительное сообщение о находке скелета, который монтировали в ОГУ.

Познакомился с академиком Иваном Григорьевичем Пидопличко, который был директором Института зоологии АН УССР. Под его руководством создавался, в том числе, Центральный научно-природоведческий музей в Киеве. Курировал этот вопрос лично секретарь ЦК УССР В. В. Щербицкий

В памяти осталось очень приятное впечатление от знакомства с Иваном Григорьевичем. Он, академик, директор музея палеозоологии, разговаривал со мной – начинающим исследователем на равных. От него я узнал очень много интересного о мамонтах, раскопках в Межириче, экспериментах и планах на будущее. После смерти Ивана Григорьевича его вдова прислала мне монографию И. Г. Пидопличко о стоянке древних людей. К сожалению, книгу в изданном виде Иван Григорьевич не увидел.

И. Я. Яцко, который значился моим научным руководителем, никакого участия в определении задач описания скелета не принимал. (Меня «достало», когда Грицай предложил на этикетке к скелету мастодонта приписать, что, якобы, скелет смонтирован под научным руководством проф. И. Я. Яцко).

Для определения видовой принадлежности находки из с. Точилово не хватало знаний и литературы. Поехал в Москву, в Геологический институт к Людмиле Ивановне Алексеевой. Она в те годы была ведущим в Союзе специалистом по мастодонтам. Л. И. Алексеева передала мне зарубежные публикации о мастодонтах Европы. Так как копию статьи в те годы можно было изготовить в условиях музея только фото способом, т.е. переснять, а затем напечатать фотографии, снова пригодились знания П. Г. Иванова. В те годы через знакомых можно было «достать» фотоплёнку с киностудии. Оказалось, что для печатных публикаций очень хороша киноплёнка «дубль-позитив», что я и использовал.

Как-то И. Я. Яцко вызвал меня к себе в «профессорскую» (там, где ныне библиотека музея) и пожурил примерно такими словами: «Что вы, Борис, ездите по Союзу и собираете милостыню?», имея в виду тот факт, что я контактирую с учеными за пределами ОГУ.

В следующий раз, видя моё общение с Носыревым и Савченко, И. Я. Яцко предложил мне отработать технологию для распиловки зубов мастодонтов и изучения деталей внутреннего строения. Нашёл пилу, изготовленную на основе двигателя от киноаппарата. Правильнее было бы сказать, что это был станок, но следовало ещё найти алмазный диск (диск с алмазным напылением). К счастью, такие диски появились в это время в продаже, и я сумел убедить главбуха в необходимости его приобретения. Через некоторое время Яцко меня спросил: «Как ваши два года геохимических исследований?». Никаких деталей, позволяющих установить последовательность формирования зуба, найти не удалось, хоть кроме Носырева я попытался использовать и знания химиков университета. Правда, специалисты с кафедры полимеров подсказали химический состав, пригодный для склеивания и пропитывания ископаемых материалов.

В следующий раз Иван Яковлевич попытался произвести на меня впечатление научного руководства по изучению скелета, когда, вроде рассуждения, сказал: «Вот если бы вам удалось доказать, что мастодонт, к примеру, в два раза был сильнее мамонта, ваша работа была бы настольной книгой учёных».

Выяснил для себя, что в Зоологическом институте (Ленинград) работал такой учёный – Дубинин, который произвёл морфо-функциональный анализ мышц современного африканского слона. Поехал «собрать милостыню». Впоследствии, в диссертации результаты этих исследований уложились в две страницы текста, с получением очень «существенного» вывода – мастодонты этого вида были косолапыми и обитали на заболоченных участках. (Мировая наука содрогнулась от восторга!). Людмила Ивановна Алексеева поставила всё на свои места, не давая оценки направлениям поиска, которыми меня озадачил научный руководитель. Она заметила: «Вы что нашли: мясо или кости? Вот кости и описывайте!». (Спасибо ей великое!).

Стало очевидно, что при такой помощи И. Я. Яцко ожидать какого-то прорыва в моих диссертационных делах было бы наивно. Я продолжал совершенствовать способы фотографирования костей скелета мастодонта, а затем стал искать технологии придания жевательной поверхности зубов мастодонтов из коллекций нашего музея и гипсовых копий зубов, изготовленных мною в других музеях страны.

И. П. Зелинский, декан ГГФ, попросил меня помочь очистить вход в Подземный заповедник после очередного прорыва канализации на соседнем овощном заводе, и под это мероприятие своей властью разрешил мне творческий отпуск на два месяца для завершения работы над оформлением документов для защиты диссертации. Игорь Петрович вдруг стал говорить, что у меня нет базового образования. Другими словами – он не верит в положительный результат моей защиты.

Кандидатскую диссертацию защитил в 1978 г. в Киеве на докторском совете Института геологических наук. Оппонентами были В. Я. Дидковский и Е. Л. Короткевич (один – специалист по палеонтологии и биостратиграфии, другой – по биологии и палеозоологии). Существенную помощь в этот период оказали мне А. И. Шевченко и В. Ю. Зосимович. В. Ю. Зосимович был учёным секретарём совета и помог в оформлении документов обойти все «подводные камни». Дело в том, что С. А. Мороз, который был заведующим кафедрой, на которой числился и я, в Одессу приехал, как говорили в Киеве, потому что поссорился с ректором Киевского университета В. В. Скопенко. Меня предупредили, что среди членов совета могут быть неприятели С. А. Мороза, и сводить счёты с ним могут через меня каверзными вопросами и т.д. Предупреждение было своевременным, и я воспользовался рекомендациями.

Работа на Севере

Отдельная «песня» о пребывании на территории Большеземельской Тундры. Под таким названием часть территории, которую мы исследовали в 1985 г., значится в геологических трудах.

Город Усинск – скопление 9-этажек на ограниченной территории, который по периметру можно за 30 минут объехать на велосипеде, (велосипедов здесь не видел.) Основное население – молодые специалисты. О возрасте города мог свидетельствовать тот факт, что в городе не было кладбища. Единственный умерший – мотоциклист, который разбился и похоронен рядом с местом гибели. Деревья, видимо, вырублены при строительстве города. Несколько в стороне от застройки находился длинный сарай из деревянных брусков, который местные мужчины знали как магазин, и называли его «огурец» за цвет окраски здания. В нём продавали алкогольные напитки: две бутылки в одни руки, вне зависимости от содержимого: вино или водка. Перед убытием решили стать в очередь и мы, всей командой: три сотрудника и два студента. Хотел заснять очередь на фото плёнку: мужик впереди предупредил: «Побьют и будут правы». Стоять в очереди пришлось минут 40.

Сложность бытия аборигенов в том, что напитки везут поездом или самолётом с «Большой земли», т.е. из цивилизации. Проблема в том, что если уже что-то попало за эту территорию, скорее всего там и останется. Это могут быть лишние фермы моста, который построили без этой детали, лестничные марши или панели домов, огромное количество бочек от горючего и т.п. Правда,

рассказывали, что в последние годы (т.е. в начале 80-х гг.) стали баржами отправлять стеклотару от соков, напитков, варений и «закруток». Дефицит витаминов там ощущается повсеместно. За головку чеснока можно выменять ведро картофеля. То, что в стеклянной упаковке, в изобилии в магазинах – польского, венгерского, болгарского производства. Как правило, 3-литровые банки оставляют там, где употребили содержимое.

Самый престижный напиток в регионе – пиво. Как его пьют – наблюдал в бане. Как правило, это – священнодействие. Один счастливчик, на виду у всех завистников, с видимым блаженством на лице употребляет это. Присутствующие – принимают «участие» как наблюдатели. Понять, кто это – возможности нет: все голенькие. Тех, кто «расконвоирован» или живёт на «поселении», знают только местные по только им известным признакам. Между собой «зеки» или те, кто к ним имел отношение, определяют: «наши» или «вольные»? Однажды на предплечье одного из этих товарищей увидел изумительного качества наколку с портретом Володи Высоцкого. Вольные такое произведение искусства себе позволить бы не смогли.

Этот маршрут был интересен не только новыми впечатлениями, но и жизненными уроками, которые мне предстояло усвоить. Выехали мы из Одессы в окружении тополиного пуха, который летал в воздухе, а приехали в Усинск (ответвление от станции Печора ж/д пути в Воркуту), когда там на реках шёл лёд. На несколько дней пришлось, в ожидании погоды, в полном смысле этого слова, заняться подготовительными работами в ожидании «борта». Так называют вылет вертолётном «на точку» – начальный район проведения полевых геологических работ. Другая сторона вопроса – получение картографического материала. От него (и нашего владения навыками установления места взятия образца по изображению этого участка на топографической карте) зависела точность определения географических координат точек опробования, т.е. конкретных объектов природы, где мы брали образцы пород для последующих анализов «на вещественный состав» и камерального этапа обработки образцов – попыток установления закономерностей геологического и геоморфологического плана. Так вот, с получением для работы топоосновы района работ появилась заминка. «Допуск» к работе с секретными отчётными материалами должны были получить все сотрудники ОГУ, командированные на обследование русла реки Большая Сыня, (по предварительной заявке), но этого не произошло. Получилось, что допуск есть только у меня, очевидно, по специфике работы в палеонтологическом музее, но, как сказали в спецотделе экспедиции г. Усинска, допуск оформлен не правильно. Начальник спецчасти был в отпуске, а «и.о.» сказала, что позволит сделать кальку с карты, но без обозначения названий притоков. Кроме того, не разрешалось чертить с оригинала контуры «один-к-одному»: следовало периодически сдвигать кальку относительно сторон горизонта. Мои увещевания по поводу того, как нас будут искать вертолётчики в случае крайней необходимости, остались висеть в «ноосфере». Кстати, в маршруте по этой причине мы дважды попали в одно и то же устье притока, не меняя маршрута. Короче, ещё та получилась выкопировка. И всё на случай, если, не дай Бог, попадёт к врагам. Так называли специалистов из ФРГ и Канады, которые помогали в реализации проектов по добыче нефти из Усинского месторождения, самого западного в Европейской части СССР. К счастью, через главного гидрогеолога экспедиции (выпускника ОГУ) позже получили аэрофотоснимки региона.

Первый «капкан» случился, когда вертолёт нас доставил в район начала нашего полевого маршрута. Через окно стали видны вершины Приполярного Урала, что значительно севернее нашего региона. Стало понятно, что «проскочили». Лётчик попросил по нашей «карте» показать район высадки. Решили с начальником партии не позориться, и он по лётной карте нашел место высадки, на которое и указал пилоту. Кстати, тогда с борта вертолёта увидел, как выглядели места «поселений» узников ГУЛАГа: остались кое-где сторожевые вышки и борозды в грунте в местах транспортировки леса к реке. В этой части маршрута наблюдал 3–4 таких лагеря, в основном, на расстоянии около 300–500 м от русла реки. Не добавляли оптимизма практически сплошные болота по берегам реки, на разном расстоянии от воды. Что характерно, потом, сплавляясь в надувных лодках вниз по течению, мы нигде не видели по берегам выходов дорог к воде.

В один из первых маршрутных дней со всеми картографическими материалами прошёл выше по течению реки, чтобы «привязаться» – сориентироваться на местности и найти место на карте, куда нас «занесло». Место выбрали удачно: и в рельефе, и на выкопировках был виден хребет, когда-то перегораживающий современное русло реки. Тогда же пришла в голову мысль, что ни один житель Земли не знает, где я находился в то время.

Здесь же, в Большеземельской Тундре «лично познакомился» с понятием «зона радиомолчания». По причине белых ночей радиосигналы не проходят. У нас связь с базой осуществлялась после 23 часов: через рацию «Пурга – 47» выходили в эфир, предварительно набросив на одно из деревьев антенну – так называемый «наклонный луч». Бывали случаи, когда нас слушали по радиосвязи за 700 км, но 200-300 км были вне зоны приёма. В таких случаях мы сообщали для нашего куратора от экспедиции оперативную информацию, точнее – на сколько километров продвинулись вниз по течению, о наших проблемах с продуктами питания. Их нам забрасывали вертолётом вместе с письмами с «Большой земли».

У меня был японский радиоприёмник – «мыльница». Даже подвесив его на длинный кусок проволоки, к которому «прибинтовывал» приёмник для увеличения поля антенны, кроме радио Китая, Кореи и Канады не удавалось настроиться ни на одну нашу, советскую, радиостанцию. Положение несколько изменилось в конце июля - начале августа: вечерами стало темнее, после 24 часов можно было поймать сигнал передачи «Для строителей БАМа». Только единожды, когда на лодках сплавились по реке в вечернее время, услышали голос А. Пугачёвой: «Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом»...

Первый местный мужчина, которого мы увидели, пристал к берегу на лодке на второй или третий день. По обычаям Севера его пригласили к костру, угостили чаем. Узнали, что он – лесничий, что ещё нас могут посетить из «Рыбнадзора», т.к. власти пытаются «отловить» браконьеров, которые промышляли в это время сёмгой. (Позже мы встречали «ставники» на сёмгу без каких-либо намёков на наличие человека рядом.) Этот же «гость» подарил нам свежую рыбу: северную форель – хариуса и несколько кустиков радиолы розовой. Это был первый и последний раз, когда мы, будучи на реке, ели уху из свежей рыбы.

С заключёнными познакомились неожиданно. Учувя запах дыма от костра в лесу, вдали от нашей стоянки, вышел на костерок с чайником на нём. Позже увидел владельцев, поздоровался. Никаких вопросов, расстались мирно. Позже узнали, что нас всех знают по имени и отчеству, знают об обязанностях в маршрутах и, наверное, что-то ещё. Случилось это по ходу маршрута. Мы ждали борт, который должен был доставить продукты питания. Однако пилот перепутал нас с группой московских палеонтологов, которые проводили раскопки пермской флоры ниже по течению реки. Рядом находился лагерь заключённых. Продукты оставили им – они были ближе к месту посадки вертолёта. От капитана КГБ, который якобы их охранял, узнали некоторые подробности. Оказывается, «зеки» отстаивали свои достоинства друг перед другом за право охранять продукты до нашего «приплывтия». Позже «обогатился» опытом «зеков» в стирке верхней одежды: они придавливали рубаху или брюки, которые следовало постирать, камнем на стремнине, т.е. там, где была самая большая скорость течения. Течение ударяло одежду об камни, следовало только периодически переворачивать стираемую вещь. Какое качество такой стирки – не знаю, но Володя, капитан, говорил, что так все стирают. Рассказал нам и о сроках, которые были назначены некоторым, и за что осуждены... Страшно! Благо, что мы с ними «не пересекались». Оказалось, что если кого-то нет в казарме месяц-два, никто не ищет: на север если ушёл, то это к морю, а на юг – все дороги перекрыты, по радио ставят в известность всех, кому следует об этом знать. На картах эти поселения «зеков» кокетливо значились «МТФ» – молочно-товарная ферма.

Катастрофа случилась со мной и одним студентом, когда вышли на равнинный участок реки. Зато после этого я узнал, что такое «прижим». У нас на юге об этом явлении известно, возможно единицам. «Прижим», – это когда река с высокой скоростью течения ударяет в берег. Если там растут деревья, то подмывает корни, деревья наклоняются в сторону реки. Но если

идти по другому берегу, об этом опасном месте, если нет достаточных знаний, – не догадаешься. Подумаешь, «пьяный лес» – обычное для севера явление, связанное, в большинстве случаев, с оползневыми явлениями или проявлением термокарста. В местах прижима река стремится всё, плывущее на поверхности, развернуть поперёк течения, лодка становится неуправляемой. Коротче, мы «не вписались» по габаритам: лодка поднырнула под берёзу, сбросила с верхней поверхности всё, что не вписывалось, в том числе и нас, и через метров 20 её прибило на мелководье. Здесь мы потеряли пару суток на попытки поднять с дна то, что ещё недавно было нашей экспедиционной собственностью. У студента утонула планшетка с паспортом и билетами из Одессы до Сыктывкара, фотоаппарат. Часть так и осталась лежать – очень высокая скорость течения. Кроме того, нужно было высушить подмоченные спальные мешки. Позже на автомашине «Урал» проезжал наш знакомый капитан. Успокоил нас, что у них в этом месте утонули два карабина и рация.

Когда прошли «караваном» из трёх лодок (две пятиместные и одна (грузовая) десятиместная) под железнодорожным мостом, стало очевидно, что нам впервые за время маршрута понадобятся денежные знаки. Стали лагерем на острове близ полотна дороги, оставили дежурного и отправились в «цивилизацию» – маленькую станцию под названием «Сыня». Купили все имевшиеся газеты с описанием минувших событий (это было время встречи Горбачёва с Рейганом в Рейкьявике), побродили по двум магазинам, пошли договориться по поводу бани. Нам сказали, что чуть позже будут мыться солдаты, и мы можем бесплатно воспользоваться услугами бани (тазики и вода).

Мы раз устраивали «баню», но полевую: сложили «туром» валуны, собранные в округе, зажгли костёр и несколько часов его топили, чтобы прогрелись камни. Затем вокруг камней на землю набросали лапник из ели и пихты, соорудили шатёр из палатки – баня готова. Когда вошли внутрь сооружения, на камни вёдрами налили воды из реки, получили приличный пар, но вверху. В ноги было прохладно (всё же район вечной мерзлоты), поэтому паяльной лампой в вёдрах согрели воду, которой и мылись. Бензина у нас была бочка, взятая из расчёта на лодку с местным проводником, который, как нам думалось, будет нас снабжать рыбой, перевозить лодкой отобранные образцы и проч. Однако вода в реке быстро достигла своего минимума, лодка к нам добраться не смогла. Бросить бочку с бензином не позволяло образование, поэтому бензином заправляли паяльную лампу, и её пламенем я спасался в палатке от комаров, выжигая их по углам, а потом мы «ныряли» под марлевые пологи-накомарники – чехлы, натянутые над спальным мешком, который стелили на раскладушки.

В бане встретились с солдатами. Я впервые понял, что лишения чего-то – это понятие относительное. Командир подразделения был славянин, а его подчинённые – все родом из Средней Азии. Не потому, что я – расист, но представил себе, что этому сержанту, по большому счёту, не с кем даже поговорить. И так, видимо, каждый день.

Потом вернулись на свой остров, обустроили лагерь, стали выполнять маршрутную программу. Однажды из маршрута одного из участников экспедиции мотоциклом привёз местный парень. Второй участник маршрута должен был добраться пешком, благо местность равнинная и относительно открытая. Мотоциклиста накормили, из запаса угостили водкой. Он рассказал, что «прикипел» к этим местам в начале 1970-х годов, когда впервые попал в эти красивые места. Когда подросла дочь, в зимнее время с ней ходил на речку наблюдать, как в омутах под толщей абсолютно прозрачного льда плавали сёмга, хариус и другие рыбы. Обычным занятием для него летом были походы в лес на неделю, десять дней, при этом с собой он брал мешочек муки, соду, соль, спички и снасти для ловли рыбы.

Обычно хариуса ловят местные на «кораблик» – плоскую доску длиной около 25 см и шириной около 5–7 см. К крайним по длине точкам прикрепляют, как вожжи, две нитки лески, которые находятся в руках рыбака. Другая часть устройства напоминает «хвост» воздушного змея, на конце которого прикрепляют (на расстоянии примерно 30 см от «кораблика») блёсны

и крючки с наживкой). Рыбак держит «поводья», соединяющиеся с «корабликом» в двух руках, запускает эту доску вертикально в воду и, меняя длину лески в одной и другой руке до доски, – выводит её на середину реки, где самое большое течение. Хариус иногда хватается блесну, иногда ловится на крючок, на который насажен овод (бычий и олений слепни здесь летают в изобилии).

Самое удивительное для меня было то обстоятельство, что кастрюля не использовалась для приготовления еды. Из бересты (коры с берёзы) делается туесок, т.е. изогнуть и сложить кору нужно, как коробку. В неё следует набрать воды, на костре согреть камешки, раскалёнными бросить их в воду туеска. Когда вода закипит, бросить рыбу, посолить. Есть луковица – уха будет вкуснее. Таким же образом можно приготовить чай, только для заварки используют листья растущей малины, смородины, черники и т.п. Лепёшка тоже готовится с использованием полоски бересты: внутренняя сторона коры березы используется как доска, на которой замешивают тесто (мука, вода, соль, немного соды). Густо замесить тесто, ладонями размять, придать форму лепёшки. Затем проткнуть лепёшку выстроганными длинными веточками (две-три штуки), воткнуть их в землю вблизи костра плоскостью к огню. Следить, чтобы не подгорели веточки у земли и периодически поворачивать лепёшку к огню одной и другой стороной.

Увидев на наших лицах удивление от такой методики приготовления еды в лесу, гость сделал замечание по поводу того, что мы неправильно сушим резиновые сапоги, располагая их у костра. Со временем резина пересыхает и трескается. (Точно!). Нужно в костре нагреть песок или, лучше, мелкие камушки, щепками или обгоревшими головешками по одному собрать их и бросить внутрь сапога: влага от нагретых камней быстро испарится. Под конец в сапоги можно натолкать сухой сфагновый мох – он заберёт остатки влаги. Можно насыпать в сапоги ядра гороха, который тоже вбирает влагу, оставить до утра, потом высыпать горох, но он в пищу уже не годится. Когда высохнет, то его можно снова засыпать во влажные сапоги.

А ведь использование нагретых в огне камней для приготовления горячей пищи своими корнями, наверное, уходит ещё к временам «трипольской культуры». Сколько же ещё мы забыли, став жителями т.н. «цивилизованного» мира городов, и не вписываясь в Природу при близком общении с ней? Ведь когда опрокинулись с лодкой, то лишились многих, вроде, второстепенных личных вещей (я остался без сменной обуви и вынужден был на берегу постоянно ходить в резиновых сапогах – броднях). Когда попытался что-то придумать, изготовить из подсобного материала, выяснилось – лапти-то я не умею плести! Нас не учили! А зачем? Мысль о том, что можно было бы изготовить постолы, как это делают в сёлах молдаване, тоже не посещала. Это, вероятно, для того, чтобы я глубже понял свою несостоятельность, как гражданин Планеты... Потом Боги, наверное, смилостивились надо мной: группа туристов, которая возвращалась в Печору до нас, на берегу оставила обувь, не нужную в городе. Я отобрал кроссовки (самые приличные, с позволения сказать), отремонтировал их и в них прилетел в Москву. Там купил себе что-то, соответствующее статусу геолога, который вернулся «с поля».

(Продолжение следует)